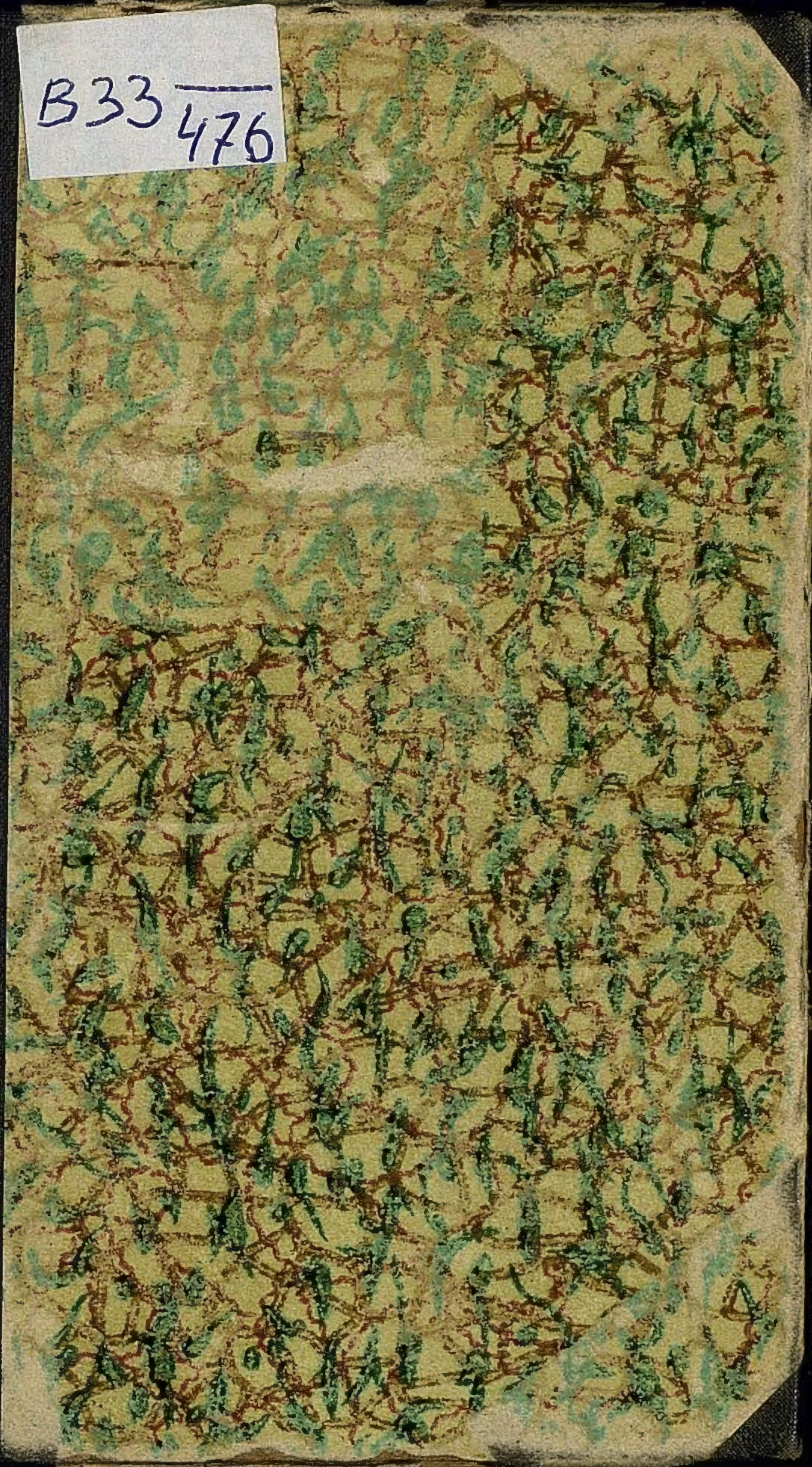
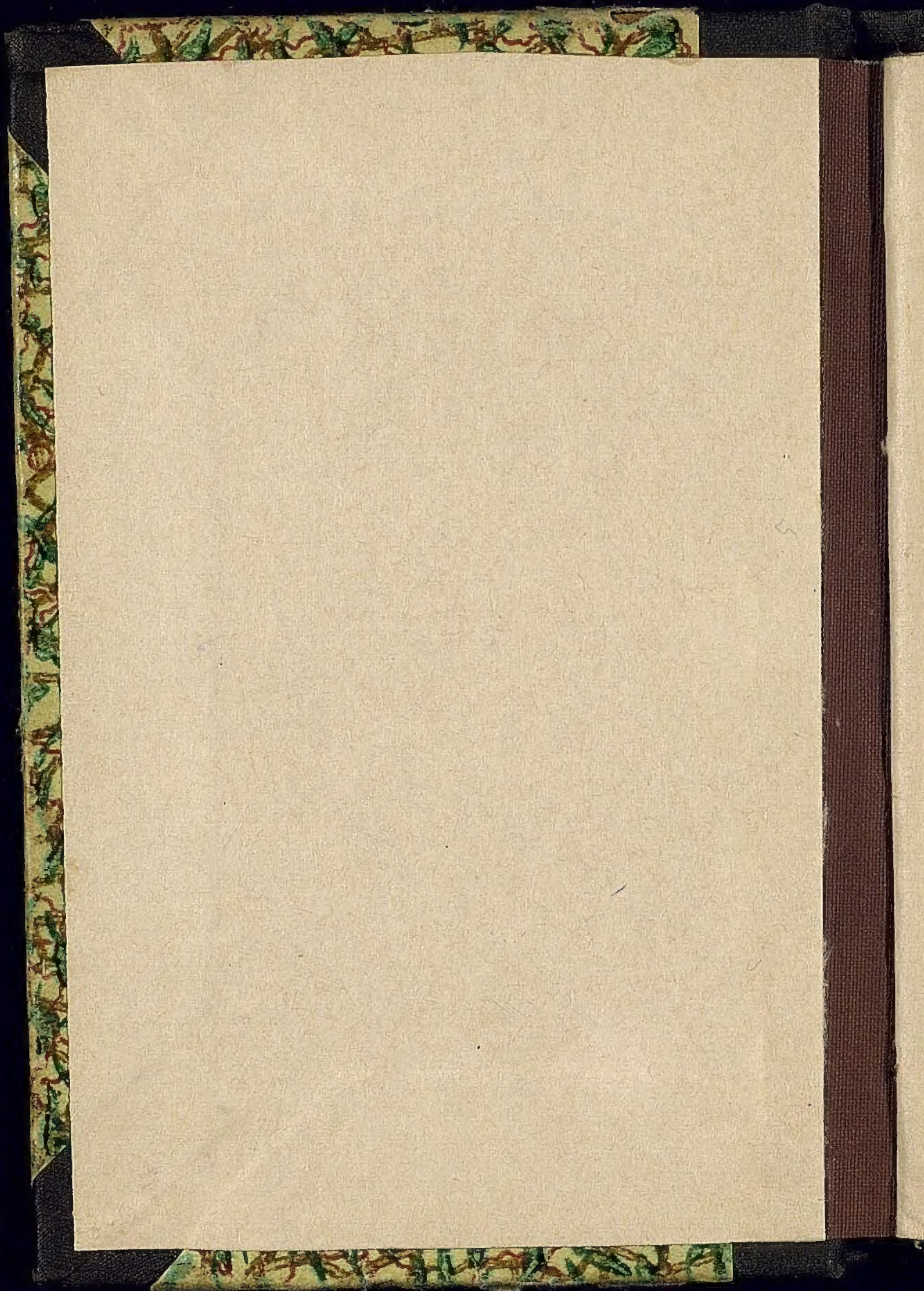
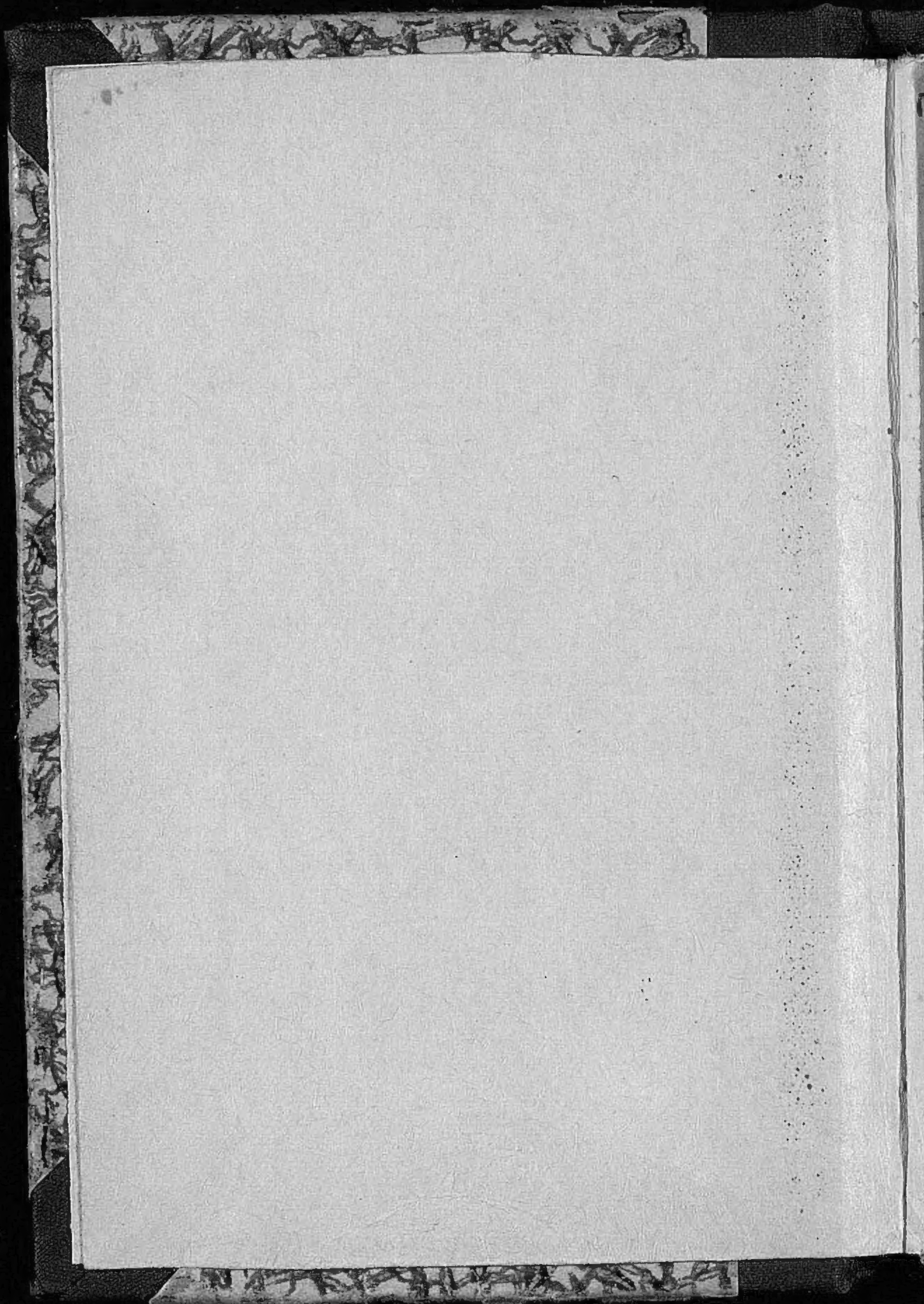

№ 4. Цѣна 10 к.

ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛІОТЕКА

Борьба за престолъ.

(Петръ III и Екатерина II).

Д. Соловьева.

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО „ДѢЛО"
МОСКВА

Борьба за престолъ.

(Петръ III и Екатерина II.).

Д. Соловьева.

Москва.
Книгоиздательство „ДѢЛО“.
1912.

МОСКВА.
Тип. Т-го Дома „М. В. Балдинъ и К°". Арбатъ, 7.
1912 г.

I.

1762 годъ—одинъ изъ интереснѣйшихъ и ха-
актерныхъ во всей русской исторіи. Всѣ драма-
ическія перипетіи этого года, со дня кончи-
ы дочери Петра Великаго, императрицы Ели-
аветы Петровны и до воцаренія императрицы
Екатерины II, всесторонне выяснены историче-
кой наукой и вполнѣ доступны русскому чи-
ателю. Всѣ названные историческіе матеріалы
о этому вопросу напечатаны въ запискахъ са-
мой Екатериной II, (XII томъ ея сочиненій,
изд. Академіей наукъ. Спб. 1907), въ Сборникѣ
Императорскаго Историческаго Общества, томъ
XVII, въ запискахъ Рюльера и другихъ совре-
менниковъ.

25 декабря 1761 года скончалась Елисавета Петровна въ старомъ Зимнемъ дворцѣ, на углу Невскаго и Б. Морской, что нынѣ извѣстный домъ Елисеева. «Погодя нѣсколько, пишетъ Екатерина, пришли отъ Государя мнѣ сказать, чтобъ я шла въ церковь, я нашла, что тутъ всѣ собраны для присяги, послѣ которой отпѣли, вмѣсто панихиды, благодарственный молебенъ; потомъ митрополитъ Сѣченовъ говорилъ рѣчь Государю. Онъ былъ внѣ себя отъ радости и оной ни мало не скрывалъ, и имѣя совершенно позорное поведеніе, кривляясь всячески и не произнося окромѣ вздорныхъ рѣчей, не соотвѣтствующихъ ни сану, ни обстоятельствамъ, представляя болѣе смѣшного Арлекина, нежели иного чего, требуя однако, всякое почтеніе».

Петръ III былъ сыномъ дочери Петра Вели-

каго, Анны Петровны, бывшей замужемъ за Карломъ Фридрихомъ, герцогомъ Голштейнъ-Готторпскимъ. 14-ти лѣтъ онъ переѣхалъ изъ Голштиніи въ Петербургъ, крещенъ въ православную вѣру, причемъ нареченъ Петромъ Ѳедоровичемъ, и манифестомъ 7 ноября объявленъ великимъ княземъ и наслѣдникомъ Всероссійскаго престола. Екатеринѣ II онъ приходился троюроднымъ братомъ. Принцесса Августа-Софія—Фридерика Ангальтъ-Цербская, дочь князя Ангальтъ-Цербскаго, губернатора Штетина, по избраніи ея въ невѣсты Петру Ѳеодоровичу, пріѣхала съ матерью въ 1744 г. въ Москву, гдѣ тогда находилась императрица Елисавета съ своими дочерьми. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ она приняла православіе и наречена великой княгиней Екатериной Алексѣевной. На другой же день она была обручена со своимъ женихомъ, за котораго вышла замужъ, имѣя всего 15 лѣтъ отъ роду. Къ ней какъ нельзя болѣе подходятъ слова Чацкаго, о пріѣздѣ «съ корабля на балъ». Ея отецъ, комендантъ прусской крѣпости, воспиталъ ее по выраженію современника, «среди почестей одного крѣпостного гарнизона», и если ея мать являлась иногда съ нею ко двору, чтобы обратить на себя нѣкоторое вниманіе королевской семьи, то ее едва замѣчали въ толпѣ придворныхъ. Когда принцессы бывшихъ европейскихъ дворовъ «отказались соединить свою судьбу съ наслѣдникомъ, столь сильно потрясаемаго царства, тогда избрали Екатерину въ супружество».

Всѣ видѣвшіе ее современники единогласно

говорятъ, что она была блестящей красавицей. Статный станъ, прелестныя черты лица, большой открытый лобъ, римскій носъ, розовые губы, прекрасный рядъ зубовъ, черныя брови и глаза, ослѣпительный цвѣтъ лица и граціозная походка,—все это обращало на нее всеобщее вниманіе, тѣмъ болѣе, что во всѣхъ ея движеніяхъ и словахъ сквозило «особенное желаніе нравиться». Юной великой княгинѣ приходилось самой пробивать себѣ дорогу и завоевывать симпатіи въ совершенно чужой ей странѣ, и она сумѣла блестяще этого достигнуть, благодаря сильному характеру, ясно намѣченной цѣли, огромному такту и блестящей юной красотѣ. Ставъ женою Петра Өедоровича, она сразу подчинила своему вліянію этого, въ полномъ смыслѣ слова, ограниченнаго юношу; обоимъ супругамъ вмѣстѣ было едва 30 лѣтъ. Она отлично поняла его вкусы и слабости и нѣкоторое время играла на нихъ. Ночи, которыя они проводили всегда вмѣстѣ, казалось, не удовлетворяли ихъ чувства,—и молодые супруги ежедневно скрывались куда-то отъ всѣхъ и пропадали по цѣлымъ часамъ. Весь дворъ ожидалъ появленія наслѣдника, и никто не догадывался, что ларчикъ просто открывался. Молодые вовсе не думали «ѣздить на островъ любви», какъ выражались наши бабушки, а занимались совершенно иного рода любовными пантомимами: Петръ Өедоровичъ обучалъ свою красавицу жену... оружейнымъ пріемамъ, тактикѣ и вообще прусскимъ военнымъ экзерциціямъ. Влюбленные супруги стояли поочередно на часахъ

съ ружьями у дверей своей спальни, словомъ, Петръ Θедоровичъ учился съ ружьемъ въ рукахъ охранять честь и жизнь своей супруги, а ее училъ охранять свою жизнь и честь!..

Екатерина строго сохраняла секретъ своихъ продолжительныхъ исчезновенiй въ своихъ апартаментахъ; угождая страннымъ прихотямъ своего мужа, Екатерина тщательно скрывала отъ всѣхъ всѣ эти нелѣпыя затѣи, надѣясь забрать его въ свои руки и, когда придетъ время, царствовать его именемъ.

Женитьба на наслѣдникѣ русскаго престола была для Екатерины выгодной партiей. По этому поводу она пишетъ слѣдующее.

«Во-первыхъ, я прiѣхала въ Россiю очень дурно одѣтою. Много-много, если у меня было три или четыре платья, и это при дворѣ, гдѣ по три раза въ день мѣняли костюмы. Все мое бѣлье заключалось въ дюжинѣ рубашекъ; я пользовалась простынями матушки».

Иногда ей приходилось по-этому поводу выносить унизительныя сцены.

Однажды, будучи съ дворомъ въ Москвѣ, въ театрѣ, она замѣтила, что императрица горячо говоритъ что-то Лестоку, который тотчасъ же вошелъ въ ея ложу.

— Видѣли Вы, какъ императрица говорила со мною?—спросилъ Лестокъ.

— Да, видѣла.

— Ну, такъ знайте-же, что императрица очень гнѣвается на Васъ.

— На меня? За что-же?

— За то, что у Васъ много долговъ. Она говоритъ, что такъ можно исчерпать всѣ источники; что, будучи царевною, императрица получала не больше Вашего, но должна была содержать цѣлый домъ и не дѣлала долговъ, зная, что за нее некому платить.

Весь этотъ разговоръ Лестокъ велъ сухо и сердитымъ голосомъ, чтобы императрица видѣла изъ своей ложи, какъ онъ исполнялъ ея порученіе.

У великой княгини навернулись слезы на глазахъ, и она замолчала. Лестокъ вышелъ изъ ложи. Великій князь, слышавшій этотъ разговоръ, высказалъ свое согласіе съ мнѣніемъ тетки и нисколько не старался защитить свою невѣсту.

Оскорбленное самолюбіе заставило ее привести свои денежные дѣла въ порядокъ. Разсматривая счета, она увидѣла, что долги ея равняются 17.000 рублямъ. Незадолго передъ тѣмъ государыня прислала ей большой ящикъ съ простенькими матеріями и 10.000 рублей, которыми она и уплатила почти весь свой долгъ.

Не сладко жилось выписанной изъ-за границы бѣдной невѣстѣ, да и Петру Ѳедоровичу было не лучше. Его воспитатель Брюмеръ обращался съ нимъ большею частью презрительно и деспотически.

Въ настоящее время трудно себѣ представить, до чего обострились отношенія между воспитателемъ и воспитанникомъ. Приводимъ для примѣра сцену, бывшую въ Петергофѣ, въ 1744

году, въ присутствіи оберъ-камергера Берголь-да и профессора Штелина.

Однажды ссора дошла до того, что Брюмеръ вскочилъ и, сжавъ кулаки, бросился къ великому князю, чтобы его ударить. Профессоръ Штелинъ кинулся между ними съ простертыми руками и отстранилъ ударъ, а великій князь упалъ на диванъ, но тотчасъ вскочилъ и побѣжалъ къ окну, чтобы позвать на помощь гренадеровъ гвардіи, стоявшихъ на часахъ. Профессоръ удержалъ его и объяснилъ ему всѣ непріятности, могущія отъ этого произойти.

— Поздравляю, ваше сіятельство, — сказалъ Штелинъ, обращаясь къ взбѣшенному оберъ-гофмаршалу, что вы не нанесли удара его высочеству и, что крикъ его не раздался изъ окна. Я не желалъ бы быть свидѣтелемъ того, какъ бьютъ великаго князя, объявленнаго наслѣдникомъ русскаго престола.

Между тѣмъ Петръ убѣжалъ въ свою спальню и тотчасъ же вернулся со шпагой въ рукѣ.

— Эта ваша выходка должна быть послѣдней,—сказалъ онъ Брюмеру. Въ первый разъ, какъ вы только осмѣлитесь поднять на меня руку, я васъ проколю насквозь вотъ этой шпагой. Замѣтьте это себѣ и скажите, если угодно ея величеству, а не то я самъ скажу.

Этотъ воспитатель билъ своего воспитанника хлыстомъ, когда ему было 10—11 лѣтъ. Въ результатѣ такого дикаго воспитанія, Петръ Ѳедоровичъ сталъ вспыльчивымъ, любилъ хвастать, пріучился лгать.

Первая ложь, сочиненная великимъ княземъ, была выдумана ради хвастовства передъ молодыми дѣвушками, которымъ онъ разсказывалъ какъ отецъ поручилъ ему начальство надъ гвардейскимъ отрядомъ и велѣлъ овладѣть таборомъ цыганъ около Киля. Онъ передавалъ подробности опустошеній, производимыхъ цыганами, а затѣмъ чудеса хитрости и храбрости, при помощи которыхъ ему удалось одержать побѣду, послѣ боя взять въ плѣнъ цыганскій таборъ и привести его въ Киль.

— За сколько лѣтъ до смерти отца это случилось? — спросила его Екатерина, присутствовавшая при этомъ.

— Года за три или за четыре, — отвѣтилъ разсказчикъ, не задумываясь.

— Ну, молодымъ-же вы начали совершать геройскіе подвиги!.. За три или за четыре года до смерти вашего отца-герцога, вамъ было всего 6 или 7 лѣтъ, такъ какъ послѣ его смерти вы остались одиннадцати лѣтъ, подъ опекой моего дяди, наслѣднаго принца шведскаго. И что меня особенно удивляетъ, — продолжала Екатерина, что вашъ отецъ, имѣя въ васъ единственнаго сына, къ тому же слабаго здоровьемъ, посылаетъ его 6—7-лѣтняго ребенка воевать съ разбойниками.

Великій князь страшно разозлился.

— Вы желаете ославить меня передъ всѣми лжецомъ и уронить въ мнѣніи свѣта, — воскликнулъ завравшійся разсказчикъ.

— Не я, а календарь изобличаетъ васъ.

Эта смѣшная сцена не помѣшала ему, однако, и впослѣдствіи не разъ разсказывать о своихъ подвигахъ подъ Килемъ, варьируя ихъ на всѣ лады, въ присутствіи даже своей невѣсты, изобличившей его во лжи.

Петръ Ѳедоровичъ вышелъ изъ воспитательнаго возраста капризнымъ и совершенно неразвитымъ ребенкомъ. Онъ былъ, по единогласному мнѣнію всѣхъ современниковъ, страшный трусъ и потому рисовался своей храбростью. Онъ любилъ лакейское общество съ его грязными чувственными инстинктами и тяготился всякой серьезной мыслью; былъ жестокъ съ людьми, наслаждался мученіями животныхъ и по цѣлымъ часамъ игралъ оловянными солдатиками, которыхъ онъ разставлялъ съ лакеями, съ карликомъ Андреемъ, съ егеремъ Бастіономъ и прочей челядью.

Бракосочетаніе Петра и Екатерины было необыкновенно пышно, а свадебныя торжества продолжались цѣлыхъ десять дней и стоили громадныхъ денегъ, несмотря на крайне печальное состояніе казны — бракъ самой Елисаветы Петровны съ кн. Алексѣемъ Разумовскимъ, какъ морганитическій, совершился тихо, скромно и безъ всякой помпы; браку же Петра Ѳедоровича имѣли въ виду придать какъ можно больше пышности и торжественности.

Иностранные посланники, не понимавшіе экономическихъ условій крѣпостной Россіи, рѣшительно недоумѣвали, откуда добываются средства на свадебныя приготовленія, поражавшія

ихъ своею роскошью. Незадолго до свадьбы посолъ писалъ въ Лондонъ: «Доходы этой страны въ величайшемъ безпорядкѣ; нерѣдко въ государственномъ казначействѣ нѣтъ ни одного шиллинга».

Государыня, какъ и придворные, видѣли только внѣшнюю сторону супружескихъ отношеній молодыхъ,—прошло девять мѣсяцевъ послѣ брака, а «имперіи пожеланный наслѣдникъ» не являлся. Внутренняя сторона оставалась для всѣхъ закрытою и, во всякомъ случаѣ, неясною. Судили и рядили — кто тому виновная сторона. Екатерина категорически отрицаетъ свою вину въ этомъ отношеніи: «Если-бы великій князь желалъ быть любимымъ, то относительно меня это вовсе было не трудно: я отъ природы была наклонна и привычна къ исполненію своихъ обязанностей», пишетъ она въ своихъ «запискахъ». Петръ Θедоровичъ по-этому поводу никогда не обмолвился ни однимъ словомъ, и извѣстно, что у него не было дѣтей, ни законныхъ, ни побочныхъ отъ метрессъ. Всѣхъ вводила въ заблужденіе чрезвычайная влюбчивость великаго князя. Вскорѣ по пріѣздѣ въ Россію, 14-лѣтній герцогъ голштинскій влюбился въ фрейлейну Лопухину, о чемъ онъ сообщилъ даже своей невѣстѣ. Двѣ недѣли спустя послѣ брака, онъ влюбился въ фрейлейну Корфъ, въ чемъ также откровенно признался своей супругѣ, позже онъ былъ влюбленъ въ младшую Шафирову. Вообще, Петръ Θедоровичъ постоянно ухаживалъ за всѣми женщинами.

Придворная атмосфера никогда не бываетъ насыщена началами нравственности; XVIII столѣтіе было въ этомъ отношеніи не хуже другихъ вѣковъ, но и не лучше. Петербургскій дворъ тоже не составлялъ исключенія, и любовныя похожденія придворныхъ Елисаветы Петровны считались самыми безгрѣшними шащнями. Мораль того времени не допускала возможности чистой, порядочной жизни, безъ любовныхъ интригъ, безъ преступныхъ связей, которыхъ никто не считалъ преступными. По взгляду современниковъ Екатерина не могла-же составлять исключенія. На ея счетъ при дворѣ возникли самыя оскорбительныя подозрѣнія, и вотъ, къ ея особѣ приставлена была Чоглокова, въ качествѣ Аргуса.

«Когда я пріѣхала въ Москву, разсказываетъ Екатерина, у великаго князя, было три камеръ-лакея, Чернышовы, сыновья гвардіи лейбъ-кампанцевъ. Я и великій князь ихъ очень любили, а старшій Чернышовъ былъ друженъ съ моимъ камердинеромъ Евреиновымъ, и былъ сердечно привязанъ ко мнѣ. Не знаю, по какому случаю старшій Чернышовъ сказалъ однажды великому князю, говоря обо мнѣ: «вѣдь, она не моя невѣста, а ваша». Великій князь расхохотался, передалъ эти слова мнѣ, и съ тѣхъ поръ ему очень нравилось называть меня «его невѣста», а Андрея Чернышова, въ разговорѣ со мною, «вашъ женихъ». Его высочество души не чаялъ въ немъ, я тоже полюбила его. Послѣ свадьбы Андрей Чернышовъ сталъ называть меня «матушкой», а я его «сынокъ мой».

Мои люди дѣлали изъ мухи слона. Однажды, во время придворнаго бала-маскарада, когда я пришла въ свою комнату, чтобы перемѣнить костюмъ, Евреиновъ, отвелъ меня въ сторону и сказалъ, что онъ страшится опасности, которой я себя подвергаю.

— Что это значитъ?—спросила я его.

— Вы только и говорите, что объ Андреѣ Чернышовѣ, только имъ и заняты...

— Ну, такъ что-же, что тутъ дурного? Это мой сынокъ. Великій князь тоже любитъ его, и еще больше моего. Онъ къ намъ привязанъ, онъ вѣрный слуга.

— Да,—возразилъ Евреиновъ, великій князь можетъ дѣлать, что ему угодно, но Вы не имѣете права, такъ поступать. Что Вы объясняете добротою и привязанностью, потому что онъ вѣрно служитъ Вамъ, то люди называютъ любовью».

Евреиновъ, по дружбѣ къ Чернышову, посовѣтовалъ ему для прекращенія толковъ, сказаться на время больнымъ, что тотъ и сдѣлалъ. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, во время концерта, въ которомъ участвовалъ, какъ скрипачъ, и Петръ Ѳедоровичъ, Екатерина вышла въ пустую залу, загроможденную лѣсами и увидала Чернышова.

— Скоро-ли прибудетъ императрица? — спросила его Екатерина.

— Мнѣ трудно говорить, здѣсь очень шумятъ. Позвольте мнѣ войти въ Вашу комнату.

— Нѣтъ, не нужно, — возразила она, входя въ свою комнату и не притворивъ двери.

Такъ молодые люди долго бесѣдовали, пока Екатерина не замѣтила по близости гр. Девьера.

— Великій князь проситъ Васъ къ себѣ,— сказалъ Девьеръ, занимавшійся, подобно многимъ состоявшимъ при ихъ дворѣ, подглядываньемъ, подслушиваньемъ у дверей и доносами.

На другой-же день, всѣ три Чернышова, по распоряженію тайной канцеляріи, были удалены изъ дворца и арестованы въ Рыбачьей слободкѣ, гдѣ ихъ продержали подъ слѣдствіемъ, «съ пристрастіемъ». Въ тотъ же день, къ Екатеринѣ приставлена была Чоглокова, которую она отъ всей души ненавидѣла.

Спустя долгое время, во время слѣдствія надъ Чернышовыми, государыня приказала Екатеринѣ и ея мужу говѣть въ августѣ. Во время исповѣди они поняли, зачѣмъ имъ велѣли говѣть. Епископъ псковскій, Симонъ Тодорскій долго допрашивалъ каждаго изъ нихъ, что произошло между ними и Чернышовыми. Оба «грѣшника» чистосердечно заявили, что тутъ не было и тѣни того, въ чемъ ихъ осмѣлились подозрѣвать.

— Но кто-же наговорилъ императрицѣ совершенно другое?—сорвалось съ языка у преосвященнаго исповѣдника, который передалъ содержаніе исповѣди духовнику Елисаветы Петровны, что, конечно, послужило молодымъ только на пользу.

На всякій случай, однако, всѣхъ троихъ Чернышовыхъ сослали на службу въ Оренбургскій край.

При всемъ своемъ усердіи, Чоглокова оказа-

лась никуда негодной хранительницей «брачной повѣренности» и обманула всѣ надежды императрицы. Началось съ того, что ея мужъ, возвратившись изъ веселой Вѣны, съ мѣста въ карьеръ вошелъ въ непозволительную связь съ фрейлейной Екатерины, дѣвицею Кошелевою, кончившуюся громкимъ скандаломъ. Далѣе, на глазахъ у Чоглоковой, гр. Кириллъ Разумовскій, братъ фаворита, влюбился въ великую княгиню: самъ Чоглоковъ, послѣ скандала съ Кошевской, дерзко засматривался на Екатерину, а жена его ничего даже не подозрѣвала.

Не подлежитъ сомнѣнію, что «дерзкія подозрѣнія» основывались на какихъ нибудь вздорныхъ сплетняхъ, но изъ «записокъ» самой - же Екатерины видно, что она давала поводъ къ этимъ сплетнямъ. А. Чернышовъ даже изъ-подъ ареста присылалъ ей письма, давалъ ей порученія, которыя она исполняла, и вообще Екатерина видимо интересовалась имъ и его судьбой.

Въ 1762 году Петръ III вернулъ его изъ ссылки и произвелъ въ генералъ-адъютанты. При Екатеринѣ II онъ былъ назначенъ комендантомъ петербургской крѣпости.

Въ комнатахъ Чоглоковой, едва-ли не при ея содѣйствіи, Петръ Ѳедоровичъ ухаживалъ за придворными дамами и вовсе не заботился о выполненіи второго пункта инструкціи, который, между прочимъ, гласитъ:

«... и потому ея высочество, для собственнаго своего настоящаго и будущаго блага, по справед-

живости во всемъ по волѣ своего супруга должна поступать, а для содержанія горячей любви и постояннаго согласія и въ несправедливо оказующихся вещахъ лучше себѣ принужденіе учинить имѣетъ, нежели прекословіемъ или упрямствомъ къ весьма вредительному несогласію и холодности между собою, а намъ къ наичувствительнѣйшему прискорбію случай подавать».

Кажется ясно. Эта инструкція составлена на девятомъ мѣсяцѣ брака.

Не зная, какъ взяться за дѣло, ввѣренное Чоглоковой этой инструкціей, послѣдняя прямо и грубо заявила однажды ихъ высочествамъ, что: «императрица изволитъ очень гнѣваться, что у нихъ нѣтъ дѣтей и желаетъ знать, кто изъ нихъ тому виною, для чего пришлетъ повивальную бабку къ великой княгинѣ и доктора къ великому князю».

Чоглокова высказала при этомъ много оскорбительныхъ предположеній, но приказанія императрицы все-таки не исполнила, и великій князь не былъ подвергнутъ медицинскому осмотру. Ясно, что второй пунктъ инструкціи былъ не по плечу Чоглоковой.

Полгода спустя послѣ назначенія гофмейстериной Екатерины, Петръ Ѳедоровичъ писалъ своей супругѣ слѣдующую курьезную записку, разумѣется, по-французски:

«Мадамъ! Я Васъ прошу не безпокоиться приходить эту ночь спать со мною, такъ какъ намъ нечего уже болѣе вводить другъ друга въ обманъ: кровать стала слишкомъ узкой

послѣ двухнедѣльной разлуки съ Вами.

«Вашъ несчастный мужъ, котораго Вы никогда не удостоивали этого имени. Петръ».

Жизнь Екатерины въ первые годы ея замужества была крайне монотонна. Возвращаясь въ свои покои послѣ спектакля или какого нибудь придворнаго бала, она не встрѣчала ни ласки мужа, ни интереснаго занятія, ни вообще какого-либо дѣла. Она рѣшительно не знала, какъ убить время и въ первые годы жестоко скучала. Великій князь, влюблявшійся во всѣхъ, кромѣ своей жены, былъ неспособенъ внушить къ себѣ сильной привязанности; напротивъ, у него были черты, способныя возбудить къ нему отвращеніе. Ни умомъ, ни сердцемъ, онъ не могъ быть другомъ великой княгини. Всякое занятіе, даже самое невинное, считалось для нея неприличнымъ, серьезный интересъ къ лицамъ или учрежденіямъ считался преступнымъ.

Какъ проводила время Екатерина въ первые годы замужества? Вотъ что разсказываетъ она сама объ этомъ. «Обыкновенно я сидѣла одна-одинешенька въ своей комнатѣ и читала, пока не являлся великій князь, принимавшійся шагать по комнатѣ и говорившій мнѣ о предметахъ, которые не имѣли для меня никакой цѣли. Его прогулка изъ угла въ уголъ продолжалась часъ или два и повторялась по нѣсколько разъ въ день; надо было ходить съ нимъ рядомъ скорымъ шагомъ до истощенія силъ, слушать его внимательно, отвѣчать ему, а въ рѣчахъ не было, по большей части, ни смысла, ни толку.

Помню въ теченіе всей зимы онъ постоянно толковалъ о необходимости выстроить близъ Ораніембаума домъ на манеръ капуцинскаго монастыря, гдѣ онъ, я и весь дворъ должны будутъ наряжаться капуцинскими монахами; ихъ костюмъ онъ находилъ восхитительнымъ. У каждаго должна быть особая кляча, чтобы ѣздить поочередно за водой и съѣстными припасами для монастыря. На меня наводили невообразимую тоску всѣ его разговоры, превосходившіе все своею крайней глупостью. Послѣ его ухода, самая скучная книга казалась мнѣ пріятнымъ развлеченіемъ».

Два обстоятельства особенно огорчали въ это время Екатерину: вино и собаки. Книгъ онъ не выносилъ; фрейлейны жены и куклы все-таки оставляли еще много свободнаго времени, и Петръ Ѳедоровичъ пристрастился было къ собакамъ. Онъ завелъ себѣ цѣлую свору и дрессируя ихъ, страшно терзалъ плетью безъ всякаго толка. Вой и визгъ десятка собакъ по сосѣдству съ комнатой Екатерины цѣлыми часами мучили ее, а затѣмъ смѣнялись тѣмъ, что Петръ начиналъ немилосердно по цѣлымъ часамъ пилить на скрипкѣ изо всѣхъ силъ. Потомъ опять принимался за собакъ.

Но это было ничто въ сравненіи съ виномъ. Собаки скоро ему надоѣли, но страсть къ вину, разъ пріобрѣтенная, никогда уже его не покидала. Ни одинъ пьяница не въ состояніи точно опредѣлить, когда онъ началъ запивать, тѣмъ болѣе, что Петръ Ѳедоровичъ не былъ горькимъ

и запойнымъ пьяницей. Страсть эта обнаружилась у него, благодаря окружающей обстановкѣ и, во всякомъ случаѣ, уже послѣ женитьбы. Нерѣдко онъ напивался до полнаго безпамятства и на публичныхъ обѣдахъ. Во время московскаго пожара, въ покояхъ великаго князя оказалось нѣсколько большихъ комодовъ, которыхъ пришлось выносить, и тутъ обнаружилось, что всѣ ящики были наполнены массою бутылокъ съ виномъ и ликерами, — это былъ секретный винный погребъ его высочества.

Всѣ придворные потворствовали его слабости и скрывали ее отъ императрицы, боясь ее огорчить. Да и неохота была раздражать будущаго Самодержца. Съ годами онъ все чаще и чаще напивался пьянъ, при чемъ страшно буйствовалъ, бранился, обнажая шпагу; больше всего доставалось, конечно, его юной супругѣ.

Дрессировка собакъ и ухаживаніе за фрейлейнами далеко не исчерпывали всего дня; что же дѣлалъ великій князь?

Однажды Екатерина вошла въ его комнату и была поражена необычайнымъ зрѣлищемъ: посреди комнаты была повѣшена крыса.

— Что это значитъ? — спросила она.

— Эта крыса совершила уголовное преступленіе, наказуемое по военнымъ законамъ жесточайшею казнью: крыса вскарабкалась на картонную крѣпость, стоявшую на столѣ, перелѣзла черезъ крѣпостной валъ и сгрызла на бастіонѣ двухъ часовыхъ изъ крахмала. Я велѣлъ судить преступницу по военно-полевымъ законамъ.

Моя собака поймала крысу, которую немедленно повѣсили, и она будетъ висѣть трое сутокъ на глазахъ публики для внушенія примѣра.

Черезъ два года, когда ему исполнилось уже 28 лѣтъ, главною забавою Петра Ѳедоровича была игра въ солдатики изъ дерева, свинца, крахмала и воска, которыхъ онъ разставлялъ на узкихъ столахъ, загромождавшихъ всю комнату. Онъ прибилъ вдоль столовъ узкія мѣдныя рѣшеточки, привязавъ къ нимъ шнурки; если дернуть за шнурокъ, мѣдныя рѣшетки издавали звукъ, который, по его мнѣнію, походилъ на бѣглый ружейный огонь. Съ чрезвычайной точностью Петръ Ѳедоровичъ чествовалъ всѣ придворные праздники, заставляя своихъ оловянныхъ солдатиковъ стрѣлять ружейнымъ огнемъ. Сверхъ того, онъ ежедневно разводилъ военные патрули, т.-е., бралъ нѣсколько оловянныхъ куколъ, изображавшихъ часовыхъ и передвигалъ ихъ, причемъ самъ онъ и всѣ придворные лакеи были одѣты въ полной формѣ, въ мундирахъ, ботфортахъ, шпорахъ и въ шарфѣ.

Въ инструкціи для великаго князя чтеніе романовъ прямо воспрещалось, а чтеніе книгъ вообще рекомендовалось какъ забава отъ обѣда до ужина. Но Петръ Ѳедоровичъ никогда не бралъ ни одной книги въ руки.

Цѣлыхъ девять лѣтъ этотъ бракъ оставался безплоднымъ, и это сильно огорчало императрицу Елисавету Петровну. Ея нетерпѣніе было вполнѣ понятно, такъ какъ живъ былъ еще молодой императоръ Иванъ Алексѣевичъ, которымъ

могли воспользоваться разные честолюбцы и интриганы. Елисавета по собственному примѣру знала, какъ нетрудно было въ ту эпоху произвести переворотъ. Она была чрезвычайно боязлива, особенно ночью, вслѣдствіе чего приказала отыскать самаго чуткаго во снѣ человѣка, который и спалъ всегда въ ея опочивальнѣ. При наличности такого страха ночныхъ нападеній, тѣмъ болѣе чести дѣлаетъ ей то, что она оставляла жизнь человѣку, бывшему непосредственной причиной ея вѣчнаго страха.

Въ 1749 году, когда молодой дворъ ютился въ скучномъ Раевѣ, подъ Москвой, туда каждый почти день пріѣзжалъ, ночевалъ и возвращался назадъ въ Петровско-Разумовское молодой графъ Кириллъ Разумовскій. Лѣтъ двадцать спустя, говоритъ Екатерина, мнѣ вздумалось спросить графа, что заставляетъ его пріѣзжать каждый день въ Раево дѣлая 50 верстъ и дѣлить съ нами нашу глупую и скучную жизнь.

— Любовь,—отвѣтилъ онъ безъ запинки.

— Что Вы! Да въ кого-же Вы могли быть у насъ влюблены?—спросила Екатерина.

— Въ кого? Да въ Васъ, разумѣется.

Она, оказывается, и не подозрѣвала объ этой любви цѣлыхъ двадцать лѣтъ, что было очень странно для такой женщины, какъ Екатерина, жившей въ атмосферѣ, насыщенной любовными стремленіями. Гофмаршалъ малаго двора Чоглоковъ былъ въ интригѣ съ фрейлейной Кошевской, гофмейстерина Чоглокова—съ кн. Рѣпнинымъ, великій князь безпрерывно влюблялся то

въ ту, то въ другую фрейлейну, при большомъ дворѣ—новый фаворитъ И. И. Шуваловъ и такъ далѣе безъ конца. Въ 1750 году Екатерина съ ужасомъ стала замѣчать, что Чоглоковъ сталъ какъ-то особенно на нее смотрѣть. «Прежде всего, онъ мнѣ вовсе не нравился: онъ былъ блондинъ и нахалъ, слишкомъ толстъ и умомъ столь-же не поворотливъ, какъ и тѣломъ; къ тому же вовсе не любезенъ въ обращеніи».

Этого нельзя было сказать про вернувшагося изъ ссылки въ 1751 году гр. Захара Чернышова, который давно нравился Екатеринѣ. «Онъ началъ съ того, говоритъ она, что сказалъ мнѣ, будто я очень похорошѣла; въ первый разъ въ моей жизни я услышала подобныя рѣчи. Это мнѣ понравилось, и я имѣла малодушіе считать, что онъ говоритъ правду. На общемъ балу какое нибудь замѣчаніе въ этомъ-же родѣ». Между молодыми людьми началась переписка. Очень вѣроятно, что въ началѣ она была, дѣйствительно, самаго невиннаго свойства, но впослѣдствіи она приняла совершенно иной характеръ. Любовныя записочки Екатерины къ гр. Захару Чернышову были найдены задѣланными въ стѣну колокольни въ томъ селѣ Задонскаго уѣзда, которое нѣкогда принадлежало графамъ Чернышовымъ. Всего найдено было 23 записочки, напечатанныя, какъ любовныя записочки высокой особы XVIII вѣка въ Рус. Архивѣ, лѣтъ 30 тому назадъ.

Въ числѣ камергеровъ малаго двора стоялъ, между прочимъ, молодой красавецъ гр. Сергѣй

Салтыковъ, бывшій въ свойствѣ съ царскимъ домомъ, такъ какъ мать императрицы Анны Ивановны, царица Прасковья Ѳедоровна, была изъ рода Салтыковыхъ.

Съ весны 1752 года Екатерина стала замѣчать, что Салтыковъ что-то зачастилъ пріѣзжать ко двору и подлащиваться къ Чоглокову, жена котораго была въ то время больна и постоянно приглашала Екатерину въ гости. Когда послѣдняя приходила къ своей гофмейстершѣ, то всегда заставала тамъ Сергѣя Салтыкова, который однажды объяснилъ ей настоящую причину своихъ частыхъ появленій при маломъ дворѣ. Екатерина молча выслушала его признаніе и ничего не отвѣтила.

— На что-же Вы, графъ, разсчитываете, говоря мнѣ все это?—спросила его великая княгиня, когда онъ вторично заговорилъ на ту-же тему.

Онъ сталъ рисовать ей плѣнительную картину счастья, на которую онъ разсчитывалъ.

— А Ваша жена, на которой Вы женились по страсти всего лишь два года назадъ, въ которую Вы влюблены, и она въ Васъ, что она скажетъ на это.

— Не все то золото, что блеститъ,—возразилъ Салтыковъ. Я дорого заплатилъ за минуту ослѣпленія.

— Почемъ Вы знаете,—можетъ быть мое сердце уже занято,—сказала Екатерина, желая охладить возлюбленнаго.

Но ухаживанія Салтыкова стали еще болѣе

настойчивыми.

Однажды, на охотѣ за зайцами, Сергѣй Салтыковъ, улучивъ свободную минуту, подъѣхалъ къ ней и сталъ развивать ей свой планъ, какъ держать въ глубокой тайнѣ то счастье, которымъ можно наслаждаться. Она не проронила ни слова. «Я смѣялась, слушая его, но, въ сущности, онъ мнѣ нравился», разсказываетъ Екатерина.

Разговоръ этотъ длился часа полтора, и она начала гнать его, такъ какъ такой продолжительный tête-à-tête не могъ не обратить вниманія.

— Я не уйду отъ васъ, пока не услышу, что вы не совсѣмъ равнодушны ко мнѣ, — сказалъ Салтыковъ.

— Да, да, но только убирайтесь.

— Хорошо, слово дано, — сказалъ онъ и пришпорилъ лошадь.

— Нѣтъ, нѣтъ! — крикнула она ему въ слѣдъ.

— Да, да! — раздался голосъ удаляющагося всадника.

На одномъ изъ вечеровъ, великій князь долго о чемъ-то шептался съ Чоглоковымъ, все еще разыгрывавшемъ роль влюбленнаго въ великую княгиню; послѣ этого разговора, онъ сталъ задумчивъ и холодно обращался съ Салтыковымъ. Фаворитка Петра Ѳедоровича, Марѳа Шафирова, выдала своего обольстителя, сообщивъ, что послѣдній уже не разъ говорилъ ей:

— Салтыковъ и моя жена неслыханнымъ образомъ обманываютъ Чоглокова; онъ влюбленъ въ великую княгиню, а она его терпѣть не мо-

жетъ. Чоглоковъ полагается на Салтыкова, который увѣряетъ его, что будто старается у моей жены въ его пользу, между тѣмъ, какъ онъ старается самъ для себя, а она предпочитаетъ Салтыкова, потому что ей весело съ нимъ, и она пользуется имъ, чтобы дѣлать тайкомъ отъ Чоглокова что ей угодно. На самомъ-же дѣлѣ она смѣется надъ ними обоими.

Петръ Θедоровичъ былъ, конечно, компетентнымъ судьею, говоря, что она «смѣется надъ обоими», и это должно было прекратить придворныя сплетни и пересуды. Должны были, но не прекратили, конечно, такъ какъ сплетни составляютъ настоящую духовную пищу придворныхъ.

Въ сентябрѣ 1754 года, Екатерина родила сына, наслѣдника престола Павла. Какъ только его спеленали, императрица Елисавета велѣла немедленно перенести его въ свою комнату. Бѣдная родительница осталась одна: объ ней всѣ забыли, входилъ на минуту Петръ Θедоровичъ, но тотчасъ же ушелъ, сказавъ, что ему некогда оставаться съ нею. Крестины были очень торжественны. Послѣ церемоніи, императрица пришла къ Екатеринѣ и принесла ей на золотомъ блюдѣ указъ кабинета о пожалованіи ей 100.000 рублей. Эти деньги очень обрадовали ее, такъ какъ у нея было много долговъ и ни копѣйки денегъ. Подарки же ей не понравились. «Такое жалкое ожерелье и такія бѣдныя перстни я постыдилась бы подарить своей горничной», говорила Екатерина. Съ деньгами, однако, при-

шлось разстаться вскорѣ.

Черезъ пять дней, послѣ того, какъ Екатеринѣ принесли пожертвованныя ей 100.000 рублей, баронъ Черкасовъ, секретарь кабинета, именемъ Бога умолялъ ее дать эти деньги взаймы кабинету: императрица спрашиваетъ денегъ, а ихъ нѣтъ ни гроша. На что же понадобились деньги? Оказалось, что Петръ Ѳедоровичъ, узнавъ о полученіи ею такой суммы, страшно разсердился и кричалъ, отчего и ему не дали столько-же. Шуваловъ сообщилъ объ этомъ императрицѣ, которая приказала выдать и ему такую же сумму. Для этого-то и выпросили у молодой матери пожертвованныя ей деньги взаймы.

Черезъ двѣ недѣли послѣ родовъ наслѣдника, Салтыкова отправили въ Швецію посломъ съ извѣщеніемъ о рожденіи Павла, а еще черезъ недѣлю вышла замужъ княгиня Гагарина.

— Это значитъ ясно, что меня лишили сразу общества двухъ именъ, которыхъ я болѣе любила изъ всѣхъ окружающихъ,—говорила по этому поводу Екатерина.

Всѣ обстоятельства, сопровождавшія рожденіе сына, произвели глубокое впечатлѣніе на Екатерину и заставили ее мрачно смотрѣть на вещи и людей. У матери отняли сына, и она навсегда была лишена радостей материнскихъ чувствъ. Физическое развитіе Екатерины, не находя исхода въ семейныхъ заботахъ, заставило ее искать иного примѣненія своихъ силъ. Въ поводахъ къ этому не было недостатка, тѣмъ болѣе, что теперь, когда она исполнила свой долгъ, такъ

недвусмысленно отмѣченный въ вышеупомянутомъ пунктѣ инструкціи, ей была предоставлена полная свобода во всѣхъ отношеніяхъ.

Въ 1755 г. прибылъ въ Россію вмѣстѣ съ англійскимъ посольствомъ гр. Станиславъ Понятовскій, въ качествѣ секретаря посланника. Екатерина сразу произвела на него большое впечатлѣніе, и онъ искалъ всякаго случая съ нею видѣться. Черезъ нѣсколько дней знакомства, комнатная болонка великой княгини набрасываясь на чужихъ ласкалась къ нему, вскакивая на колѣни. Онъ нравился Екатеринѣ искренней веселостью, игривымъ остроуміемъ, красотой, умомъ и ловкостью. Понятовскій, съѣздивъ въ Варшаву, вернулся въ Петербургъ въ качествѣ польскаго посланника. Теперешнее его положеніе давало ему свободный доступъ ко двору... Въ скоромъ времени, однако, между нимъ и великимъ княземъ произошло крупное недоразумѣніе. Однажды послѣдній встрѣтилъ Понятовскаго въ одномъ загородномъ домѣ, гдѣ его присутствіе было вовсе ненужно и для мужа неожиданно. Тутъ же была и Екатерина. Между мужчинами произошла бурная сцена, тѣмъ болѣе что одинъ изъ нихъ, былъ по обыкновенію, не совсѣмъ трезвъ. Понятовскій сталъ защищаться, ссылаясь на свою неприкосновенность въ качествѣ посланника иностраннаго двора, и это его спасло отъ большого скандала, такъ какъ великій князь понялъ, что если этотъ случай станетъ оффиціально извѣстнымъ, то оба двора окажутся въ самомъ скандальномъ поло-

женія и позоръ неминуемъ; онъ ограничился тѣмъ, что приказалъ арестовать Понятовскаго. Тогда Екатерина, не теряя присутствія духа, призналась рѣшительно во всемъ мужу и убѣдила его, что публичная огласка «сего происшествія» можетъ имѣть гибельныя послѣдствія для него самого. Затѣмъ началась обычная семейная сцена, сопровождаемая взаимными упреками въ невѣрности. Екатерина оправдывалась, тѣмъ, что Петръ Θедоровичъ любилъ другую, что было извѣстно всѣмъ. Семейная сцена продолжалась недолго и окончилась полюбовной сдѣлкой не особенно красиваго свойства: Екатерина обѣщала относиться къ дѣвицѣ Е. Воронцовой самымъ любезнымъ образомъ, хотя до тѣхъ поръ она рѣшительно ее игнорировала. Но этого мало. Такъ какъ великій князь всѣ свои средства употреблялъ на содержаніе и обмундировку своихъ солдатъ-голштинцевъ, то на свою фаворитку у него не хватало денегъ. И вотъ, Екатерина любезно предложила платить ей ежегодное жалованье изъ своего кошелька. Е. Р. Воронцова охотно согласилась на это удивительное предложеніе, которому былъ радъ Петръ Θедоровичъ, старавшійся затушевать свое столкновеніе съ Понятовскимъ. Весь этотъ эпизодъ разсказанъ самимъ Понятовскимъ въ его запискахъ, напечатанныхъ въ XII т. сочиненій Екатерины, изданія Академіи наукъ въ 1907 г.

Выражаясь словами самого Понятовскаго, «сіе происшествіе», могшее погубить Екатерину, послужило ей, однако, на пользу, дало ей увѣрен-

ность въ своей безопасности и полную свободу дѣйствій.

Весьма характерный случай изъ жизни Петра Θедоровича разсказываетъ французскій посланникъ. Однажды великій князь незаслуженно обидѣлъ кого-то изъ придворныхъ и, убѣдившись въ своей винѣ, въ порывѣ рыцарскаго чувства, предложилъ униженному дать ему удовлетвореніе на шпагахъ. Противники тотчасъ же отправились въ лѣсъ, и дуэль началась. Черезъ десять минутъ великій князь опустилъ свою шпагу и сказалъ:

— Будетъ жаль, если столь храбрые противники, какъ мы съ вами, переколемъ другъ друга. Мы оба убѣдились, что мы не трусы. Поэтому прекратимъ эту дуэль и поцѣлуемся.

Произошло примиреніе, послѣ котораго противники пошли черезъ лѣсъ домой. Недалеко отъ дворца они остановились, разговаривая.

— Ахъ, Ваше Высочество, вы ранены въ руку. Позвольте я вамъ перевяжу ее. Смотрите, чтобы во дворцѣ никто не замѣтилъ вашей раны. Иначе я пропалъ.

Хитрый царедворецъ бросился перевязывать руку недавняго противника носовымъ платкомъ.

Неизвѣстно, что подумалъ Петръ Θедоровичъ, но онъ подчинился, далъ перевязать себѣ руку, вездѣ хвалился своимъ геройствомъ и хладнокровнымъ мужествомъ, а чтобы доказать свое великодушіе, всегда оказывалъ своему бывшему противнику особое вниманіе и покровительство.

Въ день Рождества 1761 г. скончалась Елиса-

ѣета Петровна, и новый императоръ рѣзко измѣнилъ весь курсъ придворной жизни. Онъ съ явнымъ презрѣніемъ обращался со своей женой и удвоилъ свое вниманіе къ дѣвицѣ Воронцовой. Въ манифестѣ о восшествіи на престолъ ни однимъ словомъ не упомянуты ни Екатерина, ни наслѣдникъ царевичъ Павелъ. Петръ Ѳедоровичъ не пропускалъ случая публично оскорблять императрицу, игнорировалъ юнаго наслѣдника Павла и почти открыто не признавалъ его своимъ сыномъ. Все это въ совокупности безповоротно опредѣляло будущее поведеніе новой императрицы относительно своего супруга и заставило ее не стѣсняться въ выборѣ средствъ для достиженія давно намѣченной ею цѣли.

Первымъ дѣйствіемъ Петра III по вступленіи на престолъ было возвращено изъ сибирской ссылки Миниха, Лестока, Лопухиныхъ и страшнаго Бирона, который хвалился тѣмъ, что во время своего 9-лѣтняго управленія умертвилъ 11.000 человѣкъ, и который послѣ смерти Петра III сказалъ: «покойный государь былъ слишкомъ снисходителенъ и забылъ, что русскими должно повелѣвать не иначе, какъ кнутомъ или топоромъ».

Будучи усерднымъ поклонникомъ прусскаго короля Фридриха Великаго, Петръ III прислалъ въ сенатъ для распубликованія и всеобщаго руководства «Кодексъ Фридриха», т.-е. прусскіе законы, сдѣланные имъ обязательными для всей Россіи. Но, къ счастью, ни одинъ сенаторъ не могъ разобраться въ этомъ кодексѣ, и единствен-

нымъ результатомъ этого указа было то, что многіе увидѣли въ немъ только явное презрѣніе ко всему русскому. Петръ III принялъ чинъ полковника прусской службы и называлъ Фридриха: «Король—мой государь!» По случаю восшествія его на престолъ, прусскій король пожаловалъ ему чинъ генерала.

Черезъ нѣсколько дней послѣ смерти императрицы Елисаветы, Петръ III приказалъ приготовить для себя новые покои черезъ сѣни отъ супруги и поселилъ въ нихъ Елисавету Романовну Воронцову. Сдѣлавъ эти распоряженія «отправился куда-то на вечеринку править святки». Екатерина была въ это время беременна. Въ первые недѣли по своемъ воцареніи онъ почти ежедневно ѣздилъ въ гости къ разнымъ знатнымъ особамъ двора; за придворными пиршествами слѣдовали безпрестанныя военныя экскурсіи, страшно изнурявшія солдатъ. Въ этомъ отношеніи Петръ III не зналъ никакой мѣры и любилъ, чтобы цѣлый день раздавалась пушечная стрѣльба въ городѣ, и мирная столица стала походить на осажденный городъ. Часто, вскочивъ изъ-за стола со стаканомъ въ рукахъ, онъ бросался на колѣни передъ портретомъ Фридриха и кричалъ: «Любезный братъ, мы покоримъ съ тобой всю вселенную». Прусскій посланникъ пользовался особой его благосклонностью, и Петръ III настаивалъ на томъ, чтобы онъ пользовался благосклонностью всѣхъ молодыхъ женщинъ, въ видахъ чего запиралъ его съ ними и съ обнаженной шпагой становился на караулъ у две-

рей. Если въ такое время приходилъ канцлеръ для доклада по государственнымъ дѣламъ, то слышалъ такой отвѣтъ: «Вы видите, что я солдатъ на часахъ!»

Къ счастью для Екатерины, Петръ III совсѣмъ не понялъ своего положенія. Ставъ неограниченнымъ самодержцемъ, онъ далъ полную волю своимъ капризамъ и прихотямъ, убѣжденный, что ему все позволено. Необразованный, грубый, рѣдко трезвый, онъ отталкивалъ отъ себя всѣхъ совѣтниковъ, считая унизительнымъ для себя даже самую мысль, что его мнѣнія и желанія могутъ оспариваться.

Рѣзкій контрастъ между нимъ и его женой, давно уже всѣми замѣченный, теперь бросался всѣмъ въ глаза. Въ то время, когда Петръ III ежедневно пировалъ на попойкахъ у разныхъ придворныхъ, Екатерина, въ глубокомъ трауре, выстаивала всѣ панихиды и службы у тѣла покойной Елисаветы Петровны. Цѣлыхъ 6 недѣль открытый гробъ ея стоялъ во дворцѣ, куда народъ имѣлъ свободный доступъ. Всѣ видѣли, какъ Екатерина набожно молилась и клала земные поклоны, проливая слезы. Она ни на кого не смотрѣла, никого не видѣла, но знала, что на нее всѣ смотрятъ, и тѣмъ сосредоточеннѣе была ее молитва, тѣмъ глубже вздохи и обильнѣе слезы... Приходилъ нерѣдко къ гробу и Петръ III, причемъ весело болталъ съ приближенными, шутилъ съ фрейлейнами, передразнивалъ священниковъ, дѣлалъ громко замѣчанія почетному караулу. Народъ все это видѣлъ.

Въ Духовъ день новый императоръ въ придворной церкви принималъ иностранныхъ министровъ и дворянство, ходилъ по церкви, какъ будто въ своихъ комнатахъ, громко разговаривалъ; когда всѣ опустились на колѣни, Петръ III съ громкимъ смѣхомъ вышелъ изъ церкви и возвратился только по окончаніи колѣнопреклоненія. Скоро онъ пошелъ еще дальше въ своемъ презрѣніи къ религіи своихъ подданныхъ. Онъ выразилъ желаніе, чтобы всѣ образа, кромѣ Спасителя и Богородицы, были вынесены изъ церкви, чтобы священники обрили свои бороды и поповскія рясы замѣнили конторскими сюртуками. Петръ III издалъ затѣмъ законъ о лишеніи духовенства церковныхъ земель и крѣпостныхъ крестьянъ. Духовенство почувствовало себя задѣтымъ за самое за живое мѣсто,—это было уже не простое желаніе, а положительный законъ, бившій его по карману.

Затѣмъ Петръ III роспустилъ лейбъ-компанскій корпусъ и выше всѣхъ войскъ поставилъ свою голштинскую гвардію, что оскорбляло всю русскую армію. Введены были прусскіе мундиры, а фельдмаршаломъ всей арміи назначенъ голштинецъ, принцъ Георгъ. Но болѣе всего возмущало войско пристрастіе Петра III къ Фридриху II, съ которымъ Россія воевала уже пятый годъ, и приготовленіе къ войнѣ съ Даніей за его голштинское герцогство. Офицеры сотнями выходили въ отставку, гвардія, назначенная въ датскій походъ, громко роптала.

Гвардія подъ вліяніемъ капитана Орлова была

расположена къ Екатеринѣ, которая съ своей стороны всячески старалась объ увеличенiи своей популярности въ войскахъ. Всѣмъ было извѣстно, что она не одобряла внезапнаго заключенiя мира съ Пруссiей и начатiя войны съ Данiей, въ интересахъ Фридриха II. Она выходила изъ своихъ покоевъ только по необходимости, въ дни оффицiальныхъ представленiй.

Такой уединенный образъ жизни былъ тѣмъ болѣе удобенъ и понятенъ, что Екатерина въ то время была въ послѣднемъ мѣсяцѣ беременности, нуждалась въ покоѣ, и вскорѣ разрѣшилась отъ бремени сыномъ. Да и расположенiе комнатъ въ новомъ дворцѣ было для нея самое подходящее: Петръ III помѣстилъ ее въ отдаленномъ концѣ новаго зимняго дворца, а ближе къ себѣ, на антресоляхъ, свою любимицу, фрейлейну Е. Р. Воронцову.

Екатерина при всякомъ удобномъ случаѣ показывала свое несогласiе съ дѣйствiями своего супруга. 21 апрѣля она, во время торжественнаго поздравленiя ея съ рожденiемъ сына, произнесла первую свою публичную рѣчь въ отвѣтъ на привѣтствiе австрiйскаго посла, причемъ громко, въ присутствiи всего двора, высказала свои политическiе взгляды, дiаметрально противоположные взглядамъ Петра III. Черезъ три дня послѣ этого она, ссылаясь на нездоровье, отказалась присутствовать на парадномъ обѣдѣ по случаю заключенiя мира съ Фридрихомъ II, вслѣдствiе чего вынуждены были пригласить на обѣдъ только мужчинъ.

Будущій историкъ Петра III не затруднится, конечно, признать его самымъ злѣйшимъ своимъ врагомъ. Человѣку въ здравомъ умѣ нельзя даже понять то самодурное ослѣпленіе, въ которомъ онъ жилъ.

Когда прошелъ въ арміи слухъ, что русскіе. только что воевавшіе противъ Фридриха II 5 лѣтъ, будутъ отданы подъ его команду, поднялся ропотъ. Презирая всѣхъ, глумясь надъ обществомъ, Петръ III не снимая прусскаго мундира, всюду являлся въ лентѣ чернаго орла, всѣмъ показывалъ перстень съ портретомъ прусскаго короля и громко говорилъ, что для него «воля Фридриха, Божья воля». Въ маѣ велѣно войскамъ готовиться къ походу за границу, верховыя лошади императора отправлены, назначенъ особый совѣтъ для управленія Россіей въ его отсутствіе, и во главѣ его поставленъ принцъ голштейн-бекскій. Петра III назначены сопровождать всѣ иностранные посланники и графиня Елисавета Романовна Воронцова. Что будетъ съ Екатериной—неизвѣстно: въ совѣтѣ управленія ея имени не значится. Общее мнѣніе было, что ей грозитъ заточеніе въ монастырь.

9 іюня, по случаю ратификаціи мирнаго договора съ Пруссіей, во дворцѣ былъ парадный обѣдъ на 400 персонъ Петръ III провозгласилъ тосты за здоровье императорской фамиліи, за прусскаго короля и въ честь заключенія мира. Когда императрица поставила свой бокалъ, Петръ III послалъ гр. Гудовича, стоявшаго за стуломъ императора, спросить императрицу, по-

чему она не встала, когда пила за здоровье императорской фамиліи. Та отвѣчала, что, такъ какъ императорская фамилія состоитъ только изъ его величества, его сына и ея самой, то она никакъ не полагала, чтобы императоръ потребовалъ отъ нея вставанья. По полученіи этого отвѣта, Петръ III приказалъ сказать Екатеринѣ, что къ императорской фамиліи причисляются еще голштинскіе принцы и что она дура. Полагая, что Гудовичъ не все сказанное передастъ императрицѣ, Петръ III закричалъ ей такъ, чтобы всѣ 400 персонъ слышали: «дура!», у Екатерины появились слезы въ глазахъ отъ такого публичнаго оскорбленія.

Петръ III приказалъ послѣ обѣда ее арестовать, и, только благодаря усиленнымъ просьбамъ принца Георга, данный кн. Барятинскому приказъ объ арестѣ не былъ приведенъ въ исполненіе.

Только съ этого дня, говоритъ Екатерина, я стала склоняться рѣшительно на предложенія, которыя мнѣ дѣлались съ самой кончины Елисаветы Петровны. Друзья предлагали ей арестовать Петра III и посадить его въ заточеніе, т.-е. буквально повторить эпизодъ съ правительницей Анной Леопольдовной и ея дѣтьми. Рѣшаться надо было быстро: сегодня Петръ III внялъ мольбамъ принца Георга, а завтра можетъ и не внять имъ.

Трехдневное торжество мира съ Пруссіей было ненавистно всѣмъ, но страхъ предъ самодержавнымъ Петромъ III былъ такъ великъ, что ни-

кто не дерзалъ перечить ему. Общее недовольство, однако, было извѣстно полиціи, и она заранѣе «просила честью» домовладѣльцевъ иллюминовать свои дома въ теченіе трехъ дней флагами и плошками.

Въ понедѣльникъ, 10 іюня, былъ ужинъ при дворѣ на 500 человѣкъ и ночью фейерверкъ, 11 опять парадный ужинъ, а 12-го Петръ III отправился въ Ораніенбаумъ.

До 17-го іюня Екатерина оставалась одна въ Петербургѣ, безъ Петра III, безъ большого двора, который весь потянулся за императоромъ въ Ораніенбаумъ. Что она дѣлала въ эти пять дней, что предпринимала, съ кѣмъ бесѣдовала —объ этомъ можно только догадываться по обнаружившимся вскорѣ результатамъ. Несомнѣнно, однако, что Екатеринѣ и ея друзьямъ приходилось дѣйствовать крайне осторожно. Отправляясь въ Ораніенбаумъ Петръ III, по совѣту Фридриха II, назначилъ надежныхъ, по его мнѣнію, людей наблюдать въ Петербургѣ за дѣятельностью лицъ, казавшихся ему подозрительными, въ томъ числѣ за капитаномъ артиллеріи Григоріемъ Орловымъ.

Назначеніе соглядатаевъ само по себѣ служило серьезнымъ предостереженіемъ; наблюденіе-же за Орловымъ показывало, что подозрѣнія направлены вѣрно. Ко всему этому должно сказать, что въ пользу Екатерины неутомимо работалъ самъ Петръ III, своими рѣчами и поступками возбуждая общее недовольство.

Всѣ, русскіе и иностранцы, чувствовали, что

живутъ наканунѣ какого-то взрыва, переворота. Никто не зналъ, чѣмъ кончится и къ чему приведетъ этотъ переворотъ, но неизбѣжность его сознавалась въ Петербургѣ всѣми. Незадолго до отъѣзда изъ Россіи, французскій посланникъ предлагалъ свергнуть императора, воспользовавшись общей къ нему ненавистью и презрѣніемъ. Баронъ Бренэль—врачъ Петра III и могъ быть къ нему пристрастенъ, но сторонникъ же Петра III англійскій посолъ Кэйтъ говорилъ въ Ораніенбаумѣ графинѣ Брюсъ: «Послушайте, да вѣдь вашъ императоръ совсѣмъ сумасшедшій; не будучи безумнымъ, нельзя поступать такъ, какъ онъ поступаетъ».

17 іюня Екатерина, простившись съ сыномъ, отправилась въ Петергофъ, гдѣ жила уединенно, никого не принимая; кромѣ дежурныхъ камеръ-фрейлейнъ и камеръ-юнкеровъ она никого не видѣла, кромѣ дворцоваго сада никуда не выходила и появлялась при дворѣ только по приказанію самого императора. 19-го іюня она ѣздила въ Ораніенбаумъ, гдѣ присутствовала на домашнемъ спектаклѣ, устроенномъ Петромъ III, причемъ послѣдній игралъ на скрипкѣ, а комедію исполняли придворные кавалеры и дамы. Въ тотъ же день она возвратилась къ себѣ, въ Петергофъ, и уже болѣе никогда не видѣла своего супруга.

Въ Петергофскомъ уединеніи, никѣмъ не стѣсняемая, она обсуждала свое положеніе, тревожилась за завтрашній день, опасалась за каждую минуту. Она помнила подробности воцаренія Ели-

саветы Петровны. И ей угрожаютъ монастыремъ, и ей совѣтуютъ стать во главѣ движенія. Но она не дочь Петра Великаго, и Петръ III не младенецъ Иванъ Антоновичъ. Одна, лишенная возможности непосредственнаго дѣйствія, она всю свою надежду возлагала на общественное мнѣніе,—не даромъ она считала необходимымъ прислушиваться къ говору въ публичныхъ мѣстахъ, на базарахъ и рынкахъ.

Пока Екатерина оставалась въ Петергофѣ, а въ Петербургѣ общественное мнѣніе выражалось все яснѣе, все ярче, въ Ораніенбаумѣ шелъ пиръ горой: ежедневные разводы голштинскихъ батальоновъ, шумные обѣды, пьяные ужины, невозможныя рѣчи и нелѣпыя распоряженія. Послѣ «дуры» императрицѣ, никакія грубыя рѣчи уже никого не смущали: за ужиномъ царила, можно сказать, полная свобода рѣчи. Когда императоръ въ присутствіи всего двора началъ бить своихъ камергеровъ, только одни иностранные министры приходили въ ужасъ, русскіе-же вельможи, опасаясь худшаго, покорно сносили оскорбленія: имъ это было не въ диковинку.

Петръ III отложилъ свой отъѣздъ на войну съ Даніей, чтобы имѣть возможность отпраздновать день своихъ именинъ 29 іюня на полной свободѣ въ Ораніенбамѣ, а не въ походѣ. Наканунѣ 28 числа, въ часъ дня, прямо съ развода императоръ отправился въ Петергофъ, чтобы наканунѣ Петрова дня присутствовать при большомъ обѣдѣ въ Монплезирѣ у императрицы и потомъ вечеромъ принять поздравленія и

быть за ужиннымъ столомъ. Петра III сопровождала въ придворныхъ экипажахъ избранная свита, въ числѣ которой было 17 дамъ. По прибытіи въ Петергофъ, дворецъ, въ которомъ жила императрица, найденъ пустымъ... Всѣ съ удивленіемъ услышали, что императрица еще наканунѣ въ пять часовъ утра тайно уѣхала въ Петербургъ.

II.

Самую выдающуюся роль въ переворотѣ 28-го іюня 1762 года играли братья Орловы. Съ ними Екатерина вполнѣ откровенно обсуждала подробности переворота, причемъ Орловы всегда высказывались за рѣшительныя дѣйствія, отвергая полумѣры. Первоначально было рѣшено захватить Петра III въ Зимнемъ дворцѣ въ его комнатѣ и заточить его, какъ это было сдѣлано съ правительницей Анной Леопольдовной и ея дѣтьми. Съ переѣздомъ государя въ Ораніенбаумъ пришлось этотъ планъ оставить. Въ половинѣ іюня почти всѣ гвардейскіе офицеры были противъ Петра III. Необходимыя на расходы деньги Екатерина заняла въ количествѣ 100.000 рублей у англійскаго купца Фельтена еще до отъѣзда изъ Петербурга.

Даже канцлеръ Воронцовъ сознавалъ, что «императоръ отъ народа ненавидимъ». Раздраженіе гвардіи, которой приказано было выступить въ Пруссію, достигло крайнихъ предѣловъ. О противодѣйствіи Петру III все общество говорило уже не шопотомъ, а громко и рѣзко. 27 іюня, напримѣръ, простой солдатъ преображенецъ, «вы-

шедъ на галлерею, зачалъ говорить, что когда полкъ выдетъ въ Ямскую, въ походъ въ Данію, то мы спросимъ, куда и зачѣмъ насъ ведутъ, оставивъ нашу возлюбленную матушку государыню, которой мы готовы служить».

Вечеромъ 27-го числа арестовали капитана Пассека за то, что онъ прогналъ капрала, спросившаго у него скоро-ли свергнутъ императора. Объ этомъ немедленно сообщили Орловымъ, бывшихъ близкими пріятелями арестованнаго офицера.

Григорій Орловъ поѣхалъ къ кн. Дашковой, у которой засталъ ею дядю Панина, и сообщилъ ей объ арестѣ Пассека; но они не придали никакого значенія этому аресту. Өедоръ Орловъ сообщилъ о томъ-же гр. Кириллу Разумовскому, но былъ съ нимъ болѣе откровененъ и не скрылъ, что его братъ Алексѣй собирается ѣхать въ Петергофъ и привезти Екатерину прямо въ казармы Измайловскаго полка, полковникомъ котораго былъ К. Разумовскій. Умный хохолъ молча выслушалъ это извѣстіе, но послѣ ухода Орлова призвалъ къ себѣ адъютанта академіи наукъ Тауберта, управляющаго типографіей, и сказалъ ему слѣдующее:

— Въ подземельяхъ академическаго дома засажены печатникъ и наборщикъ съ ихъ приборами для печатанія ночью манифеста о переворотѣ. Вы должны быть съ ними для наблюденія за корректурою.

— Ваше сіятельство, освободите меня отъ подобнаго порученія....

— Тутъ дѣло идетъ о моей и вашей головахъ, если что нибудь откроется. Вы знаете слишкомъ много, сказалъ президентъ академіи. Вы должны отправиться, куда вамъ приказываютъ.

Было за полночь, когда Алексѣй Орловъ и Василій Бибиковъ выѣхали изъ Петербурга въ Петергофъ, куда они прибыли въ 6 час. утра.

Въ мою комнату, пищетъ Екатерина, входитъ А. Орловъ и спокойно говоритъ:

— Все готово, чтобы провозгласить васъ. Пора вставать.

— Разскажите подробности,—спросила Екатерина.

— Пассекъ арестованъ.

Она болѣе не колебалась. Одѣвшись наскоро, Екатерина прошла чрезъ главную аллею сада на дорогу и съ Шаргородскаго сѣла въ карету. Камеръ-лакей Шкуринъ и камеръ-юнкеръ Бибиковъ стали на запятки; Орловъ сѣлъ съ кучеромъ.

Въ пяти верстахъ отъ Петербурга карета была остановлена Григоріемъ Орловымъ, выѣхавшимъ съ Ѳедоромъ Барятинскимъ навстрѣчу на своихъ лошадяхъ. Екатерина пересѣла въ ихъ экипажъ. У Калинкиной деревни, гдѣ начинались слободы измайловцевъ, Григорій Орловъ выскочилъ изъ экипажа и побѣжалъ впередъ. Барабанщикъ забилъ тревогу. Солдаты стали выбѣгать изъ казармъ.

Екатерина вышла изъ коляски. Измайловцы шумной толпой окружили ее, кричали «ура! Да

здравствуетъ наша матушка Екатерина!». Вдругъ толпа разступилась, очищая кому-то дорогу: вдали показался престарѣлый полковой священникъ о. Алексѣй Михайловъ, съ крестомъ въ рукѣ. Тутъ-же подъ открытымъ небомъ Измайловскій полкъ присягнулъ на вѣрность новой императрицѣ Екатеринѣ II.

Составился оригинальный кортежъ. Екатерина, вся въ черномъ запыленномъ платьѣ, въ дрянной коляскѣ, впереди священникъ въ эпитрахилѣ съ крестомъ, сбоку гр. Кириллъ Разумовскій, командиръ Измайловскаго полка, и далѣе части офицеровъ и солдатъ. Съ крикомъ «ура!» эта процессія направляется на Фонтанку, къ слободамъ Семеновскаго полка. Новость о прибытіи Екатерины уже быстро облетѣла столицу. Навстрѣчу ей черезъ нынѣшніе Семеновскій и Обуховскій мосты безпорядочными толпами бѣгутъ семеновцы и присоединяются къ процессіи. Весь огромный кортежъ направился по Невскому, къ Зимнему дворцу. Вскорѣ прибѣжали и преображенцы, въ средѣ которыхъ, однако, произошли недоразумѣнія, вслѣдствіе которыхъ полкъ явился къ Зимнему дворцу съ опозданіемъ.

Любимая Петромъ III гренадерская рота преображенцевъ, выбѣжавшая изъ казармъ, встрѣтила нѣкоторыхъ офицеровъ, стоявшихъ въ нерѣшительности, и со всѣхъ ногъ побѣжала дальше. На Литейной ихъ встрѣтилъ маіоръ Воейковъ, сталъ останавливать, ругать и даже рубить по головамъ шпагой; но солдаты приняли его въ штыки, и ему пришлось спасаться отъ

нихъ въ рѣку Фонтанку у Семеновскаго моста: Воейковъ въѣхалъ въ Фонтанку по грудь лошади. Нѣкоторые офицеры, сторонники Петра III, старались удержать роту отъ измѣны, но когда раздался крикъ генералъ-маіора кн. Меншикова «ура, императрица!», вся рота подхватила этотъ крикъ. Вышеупомянутая процессія была уже на Невскомъ, когда прибѣжали первыя толпы преображенцевъ.

Солдаты смѣшались съ народомъ, который сбѣжался на шумъ и присоединился къ процессіи.

Въ разношерстной толпѣ, невольно привлекавшей веселымъ шумомъ, небывалымъ зрѣлищемъ, слышался безконечный гулъ, далеко разносившій по окраинамъ города вѣсть о воцареніи популярной вездѣ Екатерины. Многіе не знали даже причины этого явленія, но всѣ ликовали, заражаясь общимъ настроеніемъ, что всегда бываетъ во время массовыхъ движеній. И чѣмъ дальше двигалась процессія, тѣмъ гуще становилась толпа. Къ ней скоро присоединились и ветераны прошлаго переворота, извѣстные всему городу лейбъ-кампанцы, возведшіе нѣкогда Елисавету Петровну и такъ безжалостно уволенные въ отставку Петромъ III; вслѣдъ за ними явились и оставшіеся за штатомъ 34 офицера лейбъ-кампанца: Кривцовъ, Новиковъ, Жеребцовъ, Уваровъ, Кологривовъ, Муромцевъ и др.

Едва процессія повернула съ узкой Б. Садовой на Невскій проспектъ, къ Зимнему дворцу, какъ на полныхъ рысяхъ прискакали конно-твар-

дейцы, предводительствуемые своими командирами. По всей Невской Перспективѣ пронеслось ихъ мощное «ура!.. Умремъ за императрицу!»

Подъ эскортомъ конной гвардіи, окруженная гвардейской пѣхотой, подвигалась Екатерина по улицѣ, запруженной массами народа. Около 9 ч. утра процессія подошла къ Казанскому Собору, куда императрица вошла въ сопровожденіи множества офицеровъ. Духовенство, встрѣтившее ее съ крестомъ въ рукахъ, отслужило краткую молитву и провозгласило многолѣтіе императрицѣ Екатеринѣ II и наслѣднику цесаревичу Павлу Петровичу. Затѣмъ, подъ веселый перезвонъ колоколовъ, процессія направилась по Невскому къ Зимнему дворцу, куда прибыла къ 10 часамъ. Измайловскій и Семеновскій полки окружили дворецъ и заняли всѣ выходы; Преображенскій и Конно-гвардейскій полки заняли внутренніе караулы. Передъ дворцомъ, на обширныхъ площадяхъ и прилегающихъ улицахъ расположились остальные полки гвардіи, артиллерія и четыре армейскіе полка, составлявшіе петербургскій гарнизонъ—ямбургскій, копорскій, невскій и петербургскій. Вскорѣ къ нимъ присоединились астраханскій и ингерманландскій полки. Архіепископъ Веніаминъ обходилъ всѣ войска и приводилъ всѣхъ къ присягѣ. Позднее прибытіе двухъ послѣднихъ полковъ объясняется слѣдующимъ. Они стояли на Васильевскомъ островѣ; командиръ ингерманландскаго полка, генералъ Мельгуновъ, былъ приверженцемъ Петра III; поэтому на Васильевскій островъ былъ посланъ довольно силь-

ный отрядъ гвардіи съ артиллеріей, чтобы, въ случаѣ противодѣйствія, пушками задержать переходъ сомнительныхъ полковъ съ острова въ городъ. Но, къ счастью, дѣло обошлось безъ кровопролитія, такъ какъ солдаты обоихъ полковъ арестовали своихъ командировъ.

Вскорѣ прибылъ въ Зимній дворецъ восьмилѣтній Павелъ Петровичъ, привезенный въ наемной каретѣ Н. И. Панинымъ. Царевичъ былъ еще въ ночномъ костюмѣ, полуодѣтый: Панинъ, видимо, спѣшилъ, перенесъ мальчика прямо съ постели въ карету и во весь карьеръ помчался во дворецъ. Екатерина въ теченіе нѣсколькихъ часовъ принимала поздравленія, къ которымъ допускались всѣ безъ исключенія. Съ утра раздавался на улицахъ, еще ночью напечатанный въ академіи наукъ, манифестъ о восшествіи на престолъ императрицы Екатерины II, въ силу «желанія всѣхъ нашихъ вѣрноподданныхъ, яснаго и нелицемѣрнаго». Это было совершенно вѣрно.

Всякій успѣхъ одушевляетъ. Теперь всѣ, какъ одинъ человѣкъ, старались, по мѣрѣ силъ, упрочить достигнутый результатъ. Трудно сказать, когда и кѣмъ были приняты всѣ мѣры къ обезпеченію столицы отъ всякихъ случайностей. Тотчасъ-же всѣ выходы изъ города были заняты конными пикетами съ приказомъ не выпускать никого изъ города и задерживать прибывающихъ изъ города Ораніенбаума и Петергофа; Петръ III долженъ былъ узнать о переворотѣ какъ можно позднѣе, когда всякое сопротивленіе съ его стороны будетъ уже безполезно.

Путь изъ Ораніенбаума былъ одинъ, чрезъ Калинкинъ мостъ, который и охранялъ эскадронъ конной гвардіи. Но едва эскадронъ занялъ свой постъ, какъ туда-же прискакалъ любимый императоромъ лейбъ-Кирасирскій полкъ; одинъ эскадронъ стоялъ противъ цѣлаго полка, но общее желаніе солдатъ, стоявшихъ за новую императрицу, разрѣшило конфликтъ. Командиръ полка полковникъ Фермилинъ и всѣ офицеры— нѣмцы были арестованы, и полкъ отправился къ Зимнему дворцу.

Арестовали служившаго въ конной гвардіи принца Георга Голштинскаго, дядю императора. Это былъ жестокій и тупой ненавистникъ всего русскаго. Замѣтивъ усиленное движеніе и шумъ на улицахъ, онъ поспѣшилъ къ генералъ-полицеймейстеру барону Н. Корфу.

— Что такое происходитъ на улицахъ?— спросилъ Георгъ.

— Не знаю, отвѣчалъ генералъ-полицеймейстеръ.

Въ это время вошелъ съ командою офицеръ и арестовалъ обоихъ, чѣмъ и разрѣшилъ недоумѣніе двухъ генераловъ. Корфу было совершенно безразлично, кому служить, поэтому онъ, немного подумавъ, присягнулъ Екатеринѣ и вечеромъ же былъ сдѣланъ сенаторомъ. Домъ жестокаго принца Георга былъ разграбленъ солдатами, которые выместили на немъ свою личную злобу за его звѣрское съ ними обращеніе. Онъ все время до своего отъѣзда за границу жилъ подъ охраной караула, защищавшаго его отъ ярости

ненавидѣвшаго его народа. На прощанье онъ получилъ 100.000 руб. въ вознагражденіе за безпорядки, учиненные въ его домѣ солдатами. Подъ защитой конвоя гусаръ, принцъ ѣхалъ и всю дорогу; вмѣстѣ съ нимъ отправлены были въ Германію 62 голштинца, свора собакъ и два медвѣженка.

Хотя особеннаго буйства въ городѣ и не было, но солдаты, пользуясь случаемъ, переходили изъ кабака въ кабакъ, пили и ничего не платили. Впослѣдствіи содержатели вольныхъ кабаковъ показали, что съ 28 іюня по 1 іюля у нихъ было выпито безъ денегъ вина и водки: у Генриха Гейтмана на 6986 руб., у Рудольфа Вальмана — 2957 руб., у Өедора Ахматова — 6585 руб., у Алексѣя Питочкина — 3097 руб., у Ивана Дьяконова — 4044 руб., у Богдана Медуа — 4760 руб., а всего у кабатчиковъ выпито за здоровье государыни императрицы на 28.375 руб., да откупщики показывали, что у нихъ выпито за эти дни на 77.134 руб. Всѣ эти 105.000 руб. были впослѣдствіи уплачены кабатчикамъ казной, хотя всѣ знали преувеличенность этихъ счетовъ.

Въ часъ дня Екатерина переѣхала изъ Зимняго въ старый Елисаветинскій дворецъ у полицейскаго моста, болѣе удобнаго для охраны. Для эскорта императрицы вышли всѣ войска, но она не сразу узнала ихъ: всѣ побросали свои прусскіе мундиры на улицѣ и переодѣлись въ прежніе, елисаветинскіе, которые каптенармусы немедленно привезли изъ цейхгаузовъ.

Во дворцѣ собралось совѣщаніе для рѣшенія вопроса: что дѣлать дальше? Какъ отнестись къ Петру III, который, хотя и низложенный, но все-таки оставался императоромъ, а войска, кромѣ петербургскаго гарнизона, еще ничего не знали о переворотѣ. Гвардейскіе офицеры съ манифестомъ и присяжными листами были тотчасъже разосланы къ главнокомандующему арміей, гр. Захару Чернышову, генералу анфешу Румянцеву и командирамъ всѣхъ полковъ. Въ три часа былъ посланъ указъ рижскому генералъ-губернатору Брожу, въ которомъ Екатерина предписываетъ ему принять мѣры для подавленія возможнаго сопротивленія, «не взирая ни на чье достоинство»; къ указу приложена была собственноручная записка императрицы, въ которой на случай, если бывшій императоръ явится въ Лифляндію (съ цѣлью бѣжать въ Голштинію), приказывалось задержать его и живого или мертваго доставить обратно въ Петербургъ.

Также поспѣшно были приняты мѣры относительно морскихъ силъ въ Кронштадтѣ, гдѣ, кромѣ гарнизона, было много войскъ и готовыхъ къ отплытію судовъ. Да и устье Невы не имѣло никакой защиты. Здѣсь спѣшить надо было еще болѣе, а готовить указы некогда. Адмиралу Талызину дана была простая записка такого содержанія:

«Господинъ адмиралъ Талызинъ отъ насъ уполномоченъ въ Кронштадтѣ, и что онъ прикажетъ, то исполнять. . . . .

Іюня 28-го дня 1762 года. Екатерина».

Кромѣ того, въ виду грозящей опасности, контръ-адмиралу Милославскому приказано было отъ Сената ѣхать на яхты, стоящія въ морѣ, противъ Петергофа, привести команду къ присягѣ и велѣть судамъ прибыть ближе къ Петербургу. Далѣе въ указѣ прибавлено: «Буде-жъ на тѣхъ судахъ, кто окажется присланный изъ Петергофа или и самъ бывшій императоръ и кто-бъ съ нимъ ни былъ, оныхъ арестовавъ привесть сюда подъ крѣпкимъ карауломъ, наблюдая, чтобы сами себѣ вреда учинить не могли».

На томъ-же совѣщаніи во дворцѣ рѣшена была и участь Петра III: его рѣшено было арестовать и заточить въ Шлиссельбургскую крѣпость, куда и посланъ былъ для приготовленія помѣщенія свитскій генералъ Савинъ; а поручикъ Плещеевъ поѣхалъ по Невѣ въ крѣпость съ «нѣкоторыми вещами». Сводный отрядъ казаковъ, шедшій, по приказу императора, въ Петергофъ, повернулъ коней и прискакалъ въ карьеръ прямо къ Полицейскому мосту. Всѣ офицеры отряда получили золотыя медали.

Петергофскіе царедворцы, прибывшіе отъ Петра III, искали только предлога покинуть императора и присягнули Екатеринѣ. Первыми изъ нихъ канцлеръ Воронцовъ, кн. Трубецкой и гр. Шуваловъ, посланные Петромъ для удержанія гвардіи и уполномоченные въ случаѣ нужды убить Екатерину, нашли болѣе выгоднымъ присягнуть на вѣрность послѣдней.

Получивъ свѣдѣніе, что Петръ III находится въ Петергофѣ, Екатерина бросила пассивную

роль «повинующейся желаніямъ народа», и стала активной его руководительницей. Она рѣшилась стать во главѣ войскъ и итти въ Петергофъ, чтобы все окончить однимъ ударомъ и безповоротно.

Въ 10 часовъ вечера она послала сенату указъ, очень характерный по стилю и выразительной сжатости:

«Господа сенаторы! Я теперь выхожу съ войскомъ, чтобы утвердить и обнадежить престолъ, оставляя вамъ, яко верховному моему правительству, съ полною довѣренностью подъ стражу: отечество, народъ и моего сына. Екатерина».

III.

Весело болтая, въ сопровожденіи многочисленнаго придворнаго общества, преимущественно женскаго, пріѣхалъ въ Петергофъ Петръ III, собираясь отпраздновать канунъ своихъ именинъ. И вдругъ всѣ узнаютъ, что императрица уѣхала тайкомъ въ 5 часовъ утра въ Петербургъ. Это былъ ударъ грома на безоблачномъ небѣ. Прошло добрыхъ полчаса общей растерянности и тупого недоумѣнія. Канцлеръ Воронцовъ предложилъ Петру III ѣхать въ Петербургъ и уговорить Екатерину отказаться отъ своихъ плановъ. Петръ далъ согласіе, и Воронцовъ, вмѣстѣ съ кн. Трубецкимъ и гр. Шуваловымъ уѣхали «усовѣщевать» Екатерину—и не вернулись обратно, присягнувъ новой императрицѣ.

Растерявшееся общество отправилось къ морю, чтобы имѣть на всякій случай шлюпки и яхту. Здѣсь Петръ III встрѣтилъ вернувшаго-

ся изъ Петербурга офицера, ѣздившаго за фейерверкомъ для готовящагося торжества. Этотъ офицеръ сообщилъ о провозглашеніи Екатерины императрицею, но онъ, «не обративъ на него вниманія, поѣхалъ доставать фейерверкъ въ Петергофъ».

Теперь всѣ сомнѣнія исчезли, разрушились всѣ надежды, что авось какъ нибудь уладится. Многочисленное дамское общество попадало въ обморокъ и начало плакать. Въ совѣтахъ недостатка не было. Фельдмаршалъ Минихъ предложилъ Петру III ѣхать въ Петербургъ, явиться передъ народомъ и гвардіей, указать на свое происхожденіе и обѣщать дать всѣмъ удовлетвореніе. Другіе царедворцы указывали, что этотъ проектъ грозитъ непосредственной опасностью государю. Прусскій посланникъ Гольцъ предложилъ просто на просто бѣжать въ Нарву къ войскамъ, идущимъ въ дѣйствующую армію, и затѣмъ ѣхать въ Голштинію. Были предложенія бѣжать въ Украйну, въ Финляндію и т. д. Петръ III окончательно растерялся и началъ диктовать взаимно противорѣчившіе указы, которые онъ подписываетъ на поручнѣ шлюза. Неелову велѣно ѣхать въ Кронштадтъ и препроводить оттуда 3000 солдатъ въ Петербургъ съ провіантомъ и патронами на пять дней. Другимъ указомъ Девьеру велѣно ѣхать въ Кронштадтъ и приготовить все къ пріему императора. Девьеръ выѣзжаетъ въ 4 часа дня, часомъ позже Неелова, и въ 6 часовъ былъ уже у Кронштадтскаго коменданта. Здѣсь еще ничего не знали

о переворотѣ, но черезъ часъ явился изъ Петербурга корабельный секретарь Кадниковъ съ запечатаннымъ приказомъ коменданту адмиралу Пумерсу никого не впускать и не выпускать изъ Кронштадта.

Комендантъ скрылъ приказъ отъ Девьера, но скрыть самое появленіе Кадникова было нельзя. Девьеръ послалъ Барятинскаго къ Петру III сказать, что все для принятія его готово и что онъ найдетъ здѣсь надежную защиту. Въ десятомъ часу вечера Барятинскій прибылъ въ Петергофъ и нашелъ здѣсь большія перемѣны. Большая часть посланныхъ царедворцевъ не возвратилась назадъ. Свита Петра III значительно порѣдѣла: адъютанты и ординарцы всѣ разосланы; Гольцъ уѣхалъ въ Ораніенбаумъ, нѣкоторые ушли съ дамами гулять по парку. Изъ женщинъ, только фаворитка Воронцова не оставляетъ государя и въ тревожномъ состояніи духа все время находится около него. Въ 7 часовъ Петръ III пообѣдалъ наскоро, по лагерному: «на деревянную скамью у канала ставятъ блюда жаркаго и бутерброды съ нѣсколькими бутылками бургонскаго и шампанскаго». Онъ особенно много пилъ. Послѣ обѣда императоръ послалъ въ Ораніенбаумъ приказъ голштинскимъ войскамъ «прибыть въ Петергофъ и окопаться въ звѣринцѣ, чтобы выдержать первый натискъ». Все это было исполнено, но для всѣхъ было ясно, что голштинцы этого натиска не выдержатъ, у артиллеріи мало ядеръ, да и тѣ, что имѣются не подходятъ къ орудіямъ. Петръ III съ понятнымъ

нетерпѣніемъ ждетъ возвращенія посланныхъ съ приказаніями, отъ исполненія которыхъ зависитъ его дальнѣйшая судьба.

Что-же это за приказанія? Первое относится къ осуществленію совѣта Гольца, бѣжать въ Нарву. Адъютантъ Костомаровъ, посланный въ Петербургъ съ приказомъ астраханскому и ингерманландскому полкамъ спѣшить въ Петергофъ, повезъ съ собою еще и другой приказъ генералу Овцину, завѣдывавшему почтовой гоньбой, привести въ Петергофъ 50 лучшихъ лошадей отъ ямскихъ слободъ. Неисполненіе этого порученія грозило неудачей спасенія бѣгствомъ. Но ни Костомарова, ни лошадей нѣтъ.

Неудалась и попытка стянуть къ Петергофу полевые полки. Флигель-адъютанту Рейтеру поручено было ѣхать съ шестью голштинцами къ Горѣлому Кабачку на наблюдательный пунктъ и велѣть воронежскому полку итти ускореннымъ маршемъ къ Петру III. Но съ Рейтеромъ случилось вотъ что. Въ верстѣ отъ Кабачка онъ встрѣтилъ воронежскій полкъ въ возбужденномъ состояніи. Пріѣхавшій только что изъ Петербурга Олсуфьевъ сообщилъ воронежцамъ о петербургскихъ событіяхъ и о томъ, что вся гвардія присягнула уже Екатеринѣ. Солдаты встрѣтили это извѣстіе громкимъ ура и пошли въ Петербургъ. Въ это время подъѣхалъ флигель-адъютантъ Рейтеръ съ порученіемъ отъ государя; его тотчасъ арестовали и повезли въ Петербургъ.

Извѣстіе объ арестѣ Рейтера приводитъ Пе-

тра III въ бѣшенство. Голштинская кавалерія и артиллерія безъ ядеръ окружаетъ весь паркъ. Минихъ убѣждаетъ государя «въ ужасныхъ послѣдствіяхъ, если хоть одна пуля будетъ выпущена въ ожидавшуюся гвардію». Положеніе создалось самое отчаянное. Лошадей для бѣгства нѣтъ, русскіе полки переходятъ на сторону Екатерины, надежда на голштинскія войска мнимая, такъ какъ изъ пушекъ нечѣмъ стрѣлять.

Въ эту критическую минуту, въ десятомъ часу вечера является изъ Кронштадта Барятинскій съ докладомъ Девьера. Это было единственное доброе извѣстіе за весь день. Всѣ сомнѣнія исчезли. Въ Кронштадтѣ спасеніе. Рѣшено тотчасъ плыть моремъ. Гр. Девьеръ, ожидая Петра III, стоитъ на пристани. Подъѣзжаетъ адмиралъ Талызинъ.

— Что новенькаго въ Петербургѣ?—спрашиваетъ графъ, желая вывѣдать, за кого стоитъ Талызинъ—за императрицу или за императора.

— Ничего особеннаго,—отвѣчаетъ хитрый адмиралъ. Но я видѣлъ какъ въ городѣ по улицамъ бѣгаютъ солдаты съ обнаженными саблями; замѣтивъ какой-то шумъ, крики и опасаясь вспышки возмущенія, явился по долгу службы въ Кронштадтѣ, чтобы, въ случаѣ нужды, поддержать въ немъ спокойствіе.

Довѣрчивый Девьеръ, вступилъ въ крѣпость Талызина, который тотчасъ же, приведя войска къ присягѣ, арестовалъ Девьера.

— Такъ какъ Вы не имѣли смѣлости аресто-

вать меня отъ имени императора,—сказалъ ему Талызинъ, то я арестую васъ именемъ императрицы.

Голштинцамъ Петръ III, садясь въ шлюпку, велѣлъ вернуться въ Ораніенбаумъ. Между тѣмъ въ Кронштадтъ въ 9 часовъ прибылъ адмиралъ Талызинъ съ приведенной выше собственноручной запиской Екатерины коменданту Нуммерсу. Послѣдній, предупрежденный уже Кадниковымъ, охотно повиновался и сообщилъ Талызину о гр. Девьерѣ. Рѣшено было привести войска къ присягѣ. Черезъ часъ весь кронштадтскій гарнизонъ и всѣ суда на рейдѣ уже присягнули на вѣрность Екатеринѣ. Талызинъ затѣмъ удалилъ караулы со стороны Петергофа и выставилъ тамъ вооруженное судно. Онъ понималъ, что если Петръ III овладѣетъ Кронштадтомъ, то «выжить его оттуда будетъ трудно».

Послѣ полуночи подошла къ гавани петергофская флотилія. Гавань оказалась запертой бономъ. Императорская галера стала на якорь, яхта остановилась въ 30 шагахъ отъ стоянки. Спущенная съ галеры шлюпка требуетъ, чтобы дали пропускъ. Караульный на бастіонѣ мичманъ Кожуховъ отказываетъ и грозитъ. Вышло недоразумѣніе. Петръ III, полагаясь на донесенія Барятинскаго и Девьера, вообразилъ, что здѣсь только исполняютъ его приказанія не пропускать никого въ Кронштадтъ. Стоитъ ему назвать себя, и дѣло кончено.

— Я самъ, императоръ, тутъ. Впустить шлюпку!—кричитъ онъ караульному, показывая свою

андреевскую ленту.

— Теперь нѣтъ императора, а есть только императрица Екатерина II,—кричитъ Кожуховъ. Если галера и яхта не удалятся, я прикажу стрѣлять въ нихъ.

Петръ III понялъ, что здѣсь его дѣло сорвалось. Въ Кронштадтѣ бьютъ тревогу,—надо бѣжать немедленно. Рубятъ якорные канаты, распускаютъ паруса и пускаютъ въ ходъ, поворачивая подъ вѣтеръ. Императорская галера на веслахъ идетъ въ Ораніенбаумъ, который виденъ изъ Кронштадта. Яхтѣ слѣдовать за мной! кричитъ Петръ.

Но этого дѣлать было нельзя. При поворотѣ съ яхты замѣчаютъ, что между валомъ и городомъ стоитъ плоскодонное судно съ многолюднымъ экипажемъ, чтобы загородить свободный проходъ въ открытое море. Флотилія разбилась. Галера ушла въ Ораніенбаумъ, яхта—въ Петергофъ, на пути къ которому долго лавировала по морю, приняла было галеру контръ-адмирала Милославскаго за императорскую, пошла за нею, но, увидѣвъ свою ошибку, опять перемѣнила курсъ и пошла въ Петергофъ.

Кронштадтская встрѣча, своей рѣзкой и грубой дѣйствительностью, могла смутить и не такого слабаго человѣка, какъ Петръ III. Онъ видимо изнемогалъ, сошелъ въ каюту и, совершенно разбитый, легъ въ полубезсознательномъ состояніи на первую попавшуюся скамейку. Фаворитка Воронцова и графиня Брюсъ вошли къ нему въ каюту.

ни для кого уже не оставалось ни малѣйшаго сомнѣнія, что партія Петра III окончательно проиграна.

IV.

Екатерина окончательно убѣдилась, что не только гвардія и всѣ войска, но и населеніе Петербурга и окрестностей встрѣтило переворотъ съ чувствомъ полнаго удовлетворенія. Несомнѣнно, въ Москвѣ и внутри Россіи ей будетъ оказанъ тотъ-же пріемъ. Но что предпримутъ въ Ораніенбаумѣ? Петра III не любили, но въ немъ видѣли государя. Пока онъ остается императоромъ, положеніе Екатерины будетъ фальшивымъ.

Надо было такъ или иначе кончить начатое.

Екатерина рѣшилась идти силой на Петергофъ, во главѣ войскъ. Этотъ походъ встрѣченъ былъ всеобщимъ одобрѣніемъ. Войска вышли изъ Петербурга тремя колоннами подъ предводительствомъ: Алексѣя Орлова (конница), кн. Мещерскаго (артиллерія) и самой императрицы (гвардія). Въ 10 часовъ вечера ушелъ послѣдній взводъ гвардіи. Въ старомъ Елисаветинскомъ дворцѣ, рядомъ съ комнатой наслѣдника Павла, приказано сенату засѣдать день и ночь и ждать приказаній. Въ 2 часа ночи сенатъ послалъ Екатеринѣ первый рапортъ о благополучіи столицы, который подписали первыми кн. К. Ю. Трубецкой и А. И. Шуваловъ, посланные Петромъ III для противодѣйствія Екатеринѣ.

Сенаторы всю ночь дрожали отъ страха появленія въ Петербургѣ Петра III съ его гол-

штинцами, тѣмъ болѣе, что ночью былъ полученъ рапортъ отъ адмирала Милославскаго о встрѣчѣ его въ морѣ съ неизвѣстными судами и яхтой, недалеко отъ Кронштадта, о чемъ говорилось выше. Сенатъ совсѣмъ встревожился и утромъ послалъ Талызину указъ о поискахъ въ морѣ непріятельскихъ судовъ и галеръ; приказано останавливать всѣхъ безъ изъятія и арестовывать всѣ суда, хотя бы на нихъ находился самъ «бывшій государь». На сушѣ запрещены были всякіе переѣзды и даже перевозка писемъ. Почтеннымъ сенаторамъ всюду мерещились ковы Петра III, который въ это самое время, какъ выше сказано, лежалъ въ полной прострацiи въ каютѣ своей галеры.

Только что ночью, наканунѣ царскаго дня, Екатерина отправилась во главѣ войскъ лишать престола своего супруга, какъ утромъ въ церковь Петра и Павла явился по приказанію сената вице-президентъ юстицъ-коллегіи, Эмме, съ предложеніемъ съ утра 29-го іюня начать приводъ къ присягѣ императрицѣ всѣхъ прихожанъ. Услыхавъ это пасторъ Шрефуртъ со страха заболѣлъ и убѣжалъ изъ церкви. Другой пасторъ по окончаніи проповѣди, объявилъ о присягѣ и пригласилъ мужчинъ остаться въ церкви.

— Ну, послушайте, вы ужъ очень щепетильны,—сказалъ ему Эмме по поводу его проповѣди.

— Да развѣ въ подобныхъ обстоятельствахъ можно быть не щепетильнымъ?—возразилъ пасторъ, положеніе котораго было очень щекотливо, такъ какъ именно нѣмцы подозрѣвались въ

сочувствіи Петру III. Кто разрѣшилъ насъ отъ клятвы, данной императору, пролить за него послѣднюю каплю крови?

— Э, полноте, развѣ вы не знаете императора? Неужели вы думаете, что онъ будетъ сопротивляться. Должно быть въ Петергофѣ все уже кончено, и онъ уже не императоръ.

Войска Екатерины шли очень медленно, ибо 14 часовъ люди были уже на ногахъ, и чувствовалось общее утомленіе. До Краснаго Кабачка, въ 9 верстахъ отъ Петербурга, шли цѣлыхъ три часа. Когда канцлеръ Воронцовъ ѣхалъ чрезъ Красный Кабачекъ «усовѣщевать Екатерину», то на всемъ пути люди словно вымерли отъ чумы. Въ трактирѣ не оказалось ни бутылки вина, ни корки хлѣба. Проходящіе войска все съѣли и выпили. Небольшой отрядъ охранялъ жалкій кабачекъ, гдѣ во второмъ этажѣ, въ небольшой свѣтелкѣ помѣстилась Екатерина. Привалъ длился 5 часовъ, ибо лошади и люди устали. Но Екатеринѣ было не до отдыха. Здѣсь, въ Красномъ Кабачкѣ, ее догналъ Панинъ, тотчасъ-же вернувшійся въ Петербургъ, чтобы сообщить сенату о новыхъ соображеніяхъ по поводу охраны столицы съ моря. Екатерина и сенатъ были въ полной неизвѣстности о томъ гдѣ находится Петръ III. Здѣсь же ей представлены были 3 гвардейца, посланные Петромъ съ манифестами о противодѣйствіи «злымъ кознямъ императрицы». Гвардейцы отдали ей эти жалкія произведенія бывшаго императора.

— На, вотъ что намъ поручилъ Петръ III—

мы отдаемъ это тебѣ, сказали гвардейцы. Мы рады, что можетъ соединиться съ нашими братьями.

Въ 6 часовъ утра армія Екатерины двинулась дальше, и у Сергіевскаго монастыря начали встрѣчаться разныя лица, покинувшія Петра III послѣ его неудачной экспедиціи въ Кронштадтъ. Задержано было и нѣсколько голштинскихъ гусаръ, посланныхъ на развѣдки. Только въ самой Пустынѣ разсѣялись всѣ недоразумѣнія, и тревоги: вице-канцлеръ кн. Голицынъ привезъ императрицѣ собственноручное письмо Петра, въ которомъ онъ сознается въ своей винѣ противъ Екатерины, обѣщаетъ исправиться и предлагаетъ полное примиреніе. Письмо оставили безъ отвѣта, а кн. Голицынъ тутъ же, подъ открытымъ небомъ, принялъ присягу и присоединился къ свитѣ императрицы. Голицынъ затѣмъ сообщилъ всѣ подробности Кронштадтской экспедиціи и его безпомощное положеніе въ данный моментъ. Въ 5 часовъ утра въ Петергофъ прибылъ передовой отрядъ гусаръ А. Орлова. Гусары встрѣтили въ Петергофѣ отрядъ голштинцевъ, занимавшихся разными экзерцаціями съ деревянными ружьями, мигомъ ихъ смяли, переломали ружья, а самихъ оловянныхъ солдатиковъ засадили подъ арестъ въ разные сараи. Узнавъ, что бывшій императоръ въ Ораніенбаумѣ, А. Орловъ немедленно поскакалъ съ своей конницей туда и занялъ тамъ немедленно всѣ посты и выходы.

Въ 11 часовъ 29 іюня Екатерина въѣхала

верхомъ на бѣломъ конѣ въ Петергофъ и прибыла къ дворцу, гдѣ уже выстроились всѣ войска и встрѣчали новую императрицу громкими криками и пушечными выстрѣлами. Здѣсь, въ Петергофѣ, она получила второе письмо своего мужа, привезенное изъ Ораніенбаума генераломъ Измайловымъ. Въ немъ онъ отказывается отъ русскаго престола послѣ того, какъ былъ свергнутъ съ него общею ненавистью; онъ проситъ у Екатерины прощенія, разрѣшенія выѣхать въ Голштинію и отпуска нѣкоторой суммы на содержаніе; кромѣ того онъ умоляетъ свою жену отпустить съ нимъ его метрессу Воронцову и генерала Гудовича.

Екатерина не сочла нужнымъ даже отвѣтить на это письмо и рѣшила, что не только отпустить Петра III въ Голштинію, но даже оставить его на свободѣ нельзя; въ Шлиссельбургѣ ему уже было приготовлено помѣщеніе, гдѣ онъ и долженъ былъ кончить свои дни, можетъ быть рядомъ съ другимъ императоромъ Иваномъ Антоновичемъ, теперь уже взрослымъ молодымъ человѣкомъ.

Но какъ захватить Петра III, окруженнаго своими голштинцами, которые могутъ своимъ сопротивленіемъ набросить тѣнь на безкровный переворотъ 28-го іюня.

Помочь дѣлу вызвалось то самое довѣренное лицо, генералъ Измайловъ, который привезъ письмо Петра III.

— Считаете-ли вы меня честнымъ человѣкомъ?—спросилъ генералъ Екатерину.

Хотя и трудно было признать честнымъ человѣка, который предлагалъ коварно свои услуги на погибель своего довѣрителя, но Екатерина пренебрегла такой щепетильностью.

— Да, считаю,—отвѣтила она.

— Въ такомъ случаѣ я привезу къ вамъ императора послѣ формальнаго и свободно написаннаго имъ отреченія.

Услуги предателя были приняты, и честный генералъ Измайловъ отправился въ Ораніенбаумъ съ запиской Екатерины и текстомъ приготовленнаго заранѣе отреченія отъ престола, въ сопровожденіи Григорія Орлова и кн. Голицына. Оба спутника остались ждать въ пріемной возвращенія генерала. Петръ безпрекословно подписалъ отреченіе, которое было немедленно увезено въ Петергофъ. Конечно, если бы онъ не отрекся, то это все равно не спасло бы его, но все-таки отреченіе отъ престола значительно облегчило положеніе Екатерины, у которой теперь были развязаны руки.

Немного времени спустя отъ Ораніенбаумскаго дворца отъѣхала карета, въ которой сидѣли Петръ, гр. Воронцова, Гудовичъ и честный генералъ Измайловъ. Едва она двинулась, какъ ее окружилъ большой отрядъ гусаръ и конногвардейцевъ; въ средѣ ихъ обращалъ на себя вниманіе своей красотой и статностью капралъ Григорій Потемкинъ, которому пришлось впослѣдствіи играть такую крупную роль въ жизни Екатерины II и въ исторіи Россіи.

Всѣ полки, мимо которыхъ приходилось въ

Петергофѣ проѣзжать Петру, не зная даже кого въ каретѣ везутъ, встрѣчали ее громкими криками: «да здравствуетъ Екатерина Вторая!» Когда подъѣхали къ дворцу, Петръ молча вышелъ и отдалъ дежурному офицеру свою шпагу; андреевскую ленту съ него сняли какъ излишнюю. Воронцова и Гудовичъ были арестованы.

Петръ остался одинъ въ комнатѣ, еле держась на ногахъ отъ усталости и испуга. Онъ не могъ произнести ни слова и вскорѣ впалъ въ обморокъ. Черезъ нѣкоторое время ему принесли обѣдъ. Ему пришлось здѣсь же переодѣться и разстаться съ любимымъ голштинскимъ мундиромъ. Здѣсь же его посѣтилъ Н. И. Панинъ, котораго Петръ III просилъ не разлучать его съ Воронцовой.

Въ своемъ рескриптѣ сенату, отъ 29-го іюня 1762 года Екатерина пространно разсказываетъ всѣ вышеупомянутыя здѣсь событія переворота вплоть до ареста Петра III.

Цѣль петергофскаго похода достигнута. Петръ III низложенъ, отрекся отъ престола и арестованъ. Екатерина сама выбрала команду изъ солдатъ, наиболѣе мягкихъ, подъ карауломъ которыхъ онъ долженъ былъ содержаться. Начальство надъ этой командой она поручила поручику Алексѣю Орлову, въ помощь которому назначены были кн. Барятинскій, капитанъ Пассекъ и поручикъ Баскаковъ. Такъ какъ помѣщеніе въ Шлисельбургѣ еще не было готово, то Петру предложили на выборъ нѣсколько резиденцій, и онъ выбралъ Ропшу, принадлежавшую ему

когда онъ былъ еще великимъ княземъ.

Въ этотъ же день въ большой четырехмѣстной каретѣ, съ завѣшанными стеклами въ дверцахъ, бывшій императоръ выѣхалъ въ Ропшу до тѣхъ поръ, пока, какъ пишетъ Екатерина, «въ Шлиссельбургѣ приготовятъ приличное помѣщеніе».

На запяткахъ, на козлахъ и на подножкахъ стояли конные гренадеры.

Переворотъ кончился.

V.

Вечеромъ 29 іюня войска начали возвращаться въ Петербургъ, а вслѣдъ за ними Екатерина, которая, доѣхавъ до дачи Куракина, остановилась на ночлегъ. Войдя въ комнату, она не раздѣваясь бросилась на постель и заснула какъ убитая. На другой день былъ торжественный въѣздъ въ Петербургъ, въ сопровожденіи всѣхъ войскъ и съ колокольнымъ звономъ. Массы народа запрудили всѣ попутныя улицы, балконы, заборы, окна и крыши и громко привѣтствовали побѣдительницу. Неистовые крики «ура!» сливались съ военной музыкой и звономъ колоколовъ.

День былъ самый жаркій. Кабаки, погреба и трактиры для солдатъ растворены настежъ,— шелъ, какъ говорится, пиръ на весь міръ. Солдаты и солдатки кутили во всю ивановскую, носили цѣлыми ушатами водку, вино, пиво, медъ, шампанское и другія дорогія вина, лили вмѣстѣ, безъ всякаго разбора, въ кадки и боченки, кто чѣмъ запасся. Обыватели тоже не отставали отъ солдатъ. Широкія улицы были переполнены безшабашной толпой загулявщихъ

солдатъ. Вино брали не только въ казенныхъ складахъ, у откупщиковъ, но и въ частныхъ питейныхъ заведеніяхъ, брали все даромъ, такъ какъ торговцы не догадались во время запереть свои винотортовли, а отказывать солдатамъ не рѣшались, во избѣжаніе недоразумѣній. Полиція была безсильна бороться съ повальнымъ загуломъ и въ скоромъ времени сама приняла дѣятельное участіе въ даровой выпивкѣ. На улицахъ стонъ стоялъ отъ криковъ и разныхъ безчинствъ.

Особенно веселился измайловскій полкъ и догулялся, наконецъ, до «вѣрноподданническаго бунта», какъ окрестили это происшествіе историки. Ночью какой-то пьяный гусаръ проскакалъ по измайловскимъ слободамъ, горланя во всю глотку, что «проклятые пруссаки собираются украсть нашу матушку». Пьяные измайловцы всполошились и стали требовать, чтобы имъ показали императрицу. Ни Разумовскій, ни Шуваловъ, ни братья Орловы, любимые солдатами, не могли ихъ успокоить. Пришлось разбудить Екатерину, и она должна была показаться войску. Она въ каретѣ поѣхала въ измайловскій полкъ, уговорила солдатъ успокоиться да и ей самой дать отдохнуть, ибо она три дня не спала. На другой день приказано было запереть всѣ кабаки и трактиры. Но такой же приказъ былъ данъ еще 28-го числа, только ничего изъ этого запрещенія не вышло. Пьяный загулъ улегся постепенно.

7-го іюля изданъ былъ Екатериною манифес-

въ 9 большихъ печатныхъ страницъ, въ которомъ героически выражено, что переворотъ произведенъ народомъ чрезъ его избранниковъ.

Въ одинъ день съ «собственнымъ манифестомъ» былъ обнародованъ указъ объ «облегчепіи народной тягости» пониженіемъ на 10 к. стоимости пуда соли, «яко самой нужной и необходимой къ пропитанію человѣческому вещи», какъ сказано въ указѣ Екатерины II.

Не оставлены были безъ «благоволенія и милости» и отдѣльныя лица, какъ это видно изъ опубликованнаго въ «Сактъ-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» 1762 г., № 64, перваго наградного списка въ 40 человѣкъ. Малороссійскій гетманъ К. Разумовскій, сенаторъ Панинъ и генералъ-аншефъ кн. Волконскій получили пожизненныя пенсіи по 5000 р. (на теперешнія деньги 50.000 р.); 17-ти лицамъ пожаловано по 800 человѣкъ крестянъ или, считая по «30 рублевъ за душу» по 24.000 руб., 11 лицъ получили по 600 душъ крестьянъ стоимостью въ 18.000 руб., 9 лицъ — по 300—500 душъ или соотвѣтствующее денежное вознагражденіе.

Не были забыты и солдаты разныхъ полковъ, оказывавшіе услуги перевороту. Сводный отрядъ казаковъ, шедшій по приказанію императора въ Петергофъ и прискакавшій вмѣсто того къ Зимнему дворцу присягнуть Екатеринѣ, получилъ денежныя награды: казакамъ по 10 руб., даже и тѣмъ, которые только «старались быть въ походѣ», но не оказались налицо «за неыскомъ лошадей»; глава отряда, донской войсковой ата-

манъ Ефремовъ получилъ вензельную саблю, старшины, атаманы и есаулы—золотыя медали.

Адмиралъ Талызинъ представилъ императрицѣ 4 іюля 1762 года списокъ наградъ офицерамъ, отличившимся въ Кронштадтѣ, выдержки изъ котораго, съ собственноручными резолюціями Екатерины, приводимъ здѣсь.

Лейтенантъ Андрей Елецкой—чинъ и годовое жалованье.

Унтеръ-лейтенантъ Данила Волчковъ—чинъ и двухгодовое жалованье.

Секретарь Ѳедоръ Кадниковъ посланъ былъ въ Кронштадтъ съ ордеромъ «о не впущеніи и выпущеніи никого, который былъ арестованъ и отвезенъ подъ карауломъ въ Ораніенбаумъ»—два чина и годовое жалованье.

Мичманъ Кожуховъ «поставленъ былъ на бастіонѣ на караулѣ, къ которому мѣсту бывшій императоръ пріѣзжалъ и онъ его по многому прошенію въ гавань не пустилъ»—два чина и за два года жалованье.

Подпоручикъ Безбородовъ, «при всѣхъ случаяхъ своимъ фрунтомъ былъ въ употребленіи»—чинъ и за два года жалованье.

VI.

Впечатлѣнія пережитыя Петромъ Ѳедоровичемъ 28 іюня были не по плечу его слабому организму, ударъ-же 29 іюня окончательно его сломилъ. Всѣ 35 лѣтъ своей жизни онъ сознавалъ себя то герцогомъ, то великимъ княземъ, то императоромъ; ему не легко было освоиться съ новой ролью не только частнаго человѣка,

но арестанта, окруженнаго стражей. Онъ, то ловилъ руку Панина, своего подданнаго, чтобы поцѣловать ее, то возмущался, что его прихоти исполняются не такъ быстро, какъ онъ привыкъ.

Нужно, однако, быть справедливымъ даже и къ «бывшему императору». События двухъ послѣднихъ дней могли подломить и не такую слабую натуру. Нужна огромная энергія и могучая сила характера, чтобы выдержать рядъ сильныхъ потрясеній, свалившихся на его бѣдную голову съ необыкновенной послѣдовательностью, жестокостью и быстротой. Меньше чѣмъ въ 24 часа самодержавный Петръ обратился въ безправнаго узника. Въ пятницу вечеромъ его слово было закономъ, а въ субботу утромъ грубый солдатъ повелѣвалъ въ Ропшѣ каждымъ его движеніемъ.

И дворцы, какъ домашнія животныя, могутъ быть не ко двору. Съ ними связываются иногда такія воспоминанія, которыя кладутъ на нихъ мрачный отпечатокъ. Таковъ былъ и Ропшинскій дворецъ, построенный еще Петромъ I. Послѣдній подарилъ его своему любимцу кн. Ѳ. Ромадановскому, кровожадному начальнику тайной канцеляріи. Послѣдній князь изъ этого рода отдалъ Ропшу въ приданое своей дочери, знаменитой нѣкогда Е. И. Головкиной. Елисавета сослала Головкина въ Сибирь, а Ропшу отписала въ казну и подарила впослѣдствіи великому князю Петру Ѳедоровичу. Хотя онъ любилъ Ропшу, но охотнѣе жилъ въ Ораніенбаумѣ, гдѣ у него была своя игрушечная крѣпость. Въ бытность свою императоромъ, Петръ только одну недѣлю

провелъ въ Ропшѣ, куда его привезли 29-го іюня арестантомъ.

Въ 8 часовъ вечера арестантская карета прибыла въ Ропшу. У дверей его поставили часового, а все зданіе окружили гвардейскимъ карауломъ. Петръ дурно провелъ ночь, а по утру просилъ привезти ему изъ Ораніенбаума его любимую кровать. Его желаніе было немедленно исполнено. Въ первые дни заключенія, по словамъ Екатерины, онъ имѣлъ все, кромѣ свободы. Ему привезли, по его желанію: скрипку, мопса, лекаря Лидерса. Офицеры караула, пріѣзжавшіе изъ Петербурга, смѣнялись ежедневно. Помимо скуки, вдали отъ столичныхъ удовольствій, на ихъ долю выпадала тяжелая обязанность оберегать Петра отъ ярости гвардейскихъ солдатъ и офицеровъ, кромѣ, однако, Алексѣя Орлова, бывшаго исключеніемъ. Всегда неизмѣнно вѣжливый съ узникомъ, онъ игралъ съ нимъ въ карты, а когда у того не хватало денегъ, то обѣщалъ, что ему будетъ доставлена такая сумма, какую онъ захочетъ. Но и онъ не могъ преступить извѣстныхъ инструкцій. На просьбу о прогулкѣ въ паркѣ, Орловъ, только что увѣрявшій узника, что малѣйшее его желаніе будетъ исполнено, изъявилъ согласіе и на эту просьбу, но, отворивъ дверь, онъ мигнулъ солдатамъ; тѣ скрестили ружья и преградили бывшему императору выходъ изъ комнаты.

О положеніи Петра III въ заключеніи и его желаніяхъ можно судить по его тремъ пись-

мамъ къ Екатеринѣ, написаннымъ по-французски.

Письмо первое. Сударыня, я прошу Ваше Величество быть увѣренной во мнѣ и не отказать снять караулы отъ второй комнаты, такъ какъ комната, въ которой я нахожусь, такъ мала, что я едва могу въ ней двигаться. И такъ какъ Вамъ извѣстно, что я всегда хожу по комнатѣ, то отъ этого у меня распухнутъ ноги. Еще я Васъ прошу не приказывать, чтобъ офицеры находились въ той же комнатѣ со мной, когда я имѣю естественныя надобности,—это невозможно для меня; въ остальномъ я прошу Ваше Величество поступать со мной по меньшей мѣрѣ, какъ съ большимъ злодѣемъ, не думая никогда его этимъ оскорбить. Отдаваясь Вашему великодушію, я прошу отпустить меня въ нескоромъ времени съ извѣстными лицами въ Германію. Богъ Вамъ заплатитъ непремѣнно. Вашъ нижайшій слуга Петръ.

Второе письмо. Ваше Величество, если Вы совершенно не желаете смерти человѣку, который достаточно уже несчастенъ, имѣйте жалость ко мнѣ и оставьте мнѣ мое единственное утѣшеніе, Елисавету Романовну. Вы этимъ сдѣлаете большое милосердіе Вашего царствованія; если же Ваше Величество пожелало бы меня видѣть, то я былъ бы совершенно счастливъ. Вашъ нижайшій слуга Петръ.

Третье письмо (писано по-русски). Я еще прошу меня, которой Ваше воле изъ позналь во всемъ, отпустить меня въ чужіе краи стеми,

которые я Ваше величество прежде просилъ и надѣюсь на ваше великодушіе, что вы меня не оставите безъ пропитания. Вѣрный слуга Петръ.

Вопросъ о судьбѣ Петра Ѳедоровича поднимался уже два раза и обсуждался два раза, если не самою Екатериною, то въ ея присутствіи, по крайней мѣрѣ, до переворота и послѣ него. Въ первый разъ всѣ думы устремлены были на то, чтобы Петръ не былъ императоромъ; въ немедленномъ разрѣшеніи не было надобности, въ крайнемъ случаѣ можно было дѣйствовать по шаблону: Иванъ Антоновичъ былъ въ Шлиссельбургѣ,—отчего не быть тамъ и Петру Ѳедоровичу? Другой проектъ—отправить его въ Голштинію, и его хотѣли было осуществить, тѣмъ болѣе, что Петръ самъ собирался за границу на войну съ Даніей. Но скоро поняли, что нелѣпо нападать на Петра, стоящаго во главѣ войскъ. Хотя войска не любили его, но они не выдадутъ своего полководца.

Во время переворота естественно явилась мысль не выпустить Петра за границу, гдѣ онъ оставался бы всегда угрозой. Признали необходимымъ лишить его свободы, а потомъ — объ этомъ «потомъ» некогда было думать. Надо было спѣшить въ Петергофъ. Послѣ ареста Петра вновь стали обсуждать, что съ нимъ дѣлать. Шлиссельбургъ, какъ крѣпость никуда не годится, какъ государственная тюрьма представляетъ большія удобства. Но вѣдь, тамъ находится въ теченіе уже 20 лѣтъ Иванъ Антоновичъ,—другой императоръ тамъ совсѣмъ неудобенъ. Петръ оскор-

блялъ религіозныя чувства народа, ненавидящій и презирающій все русское, конечно, возбуждалъ ропотъ, но императоръ въ тюрьмѣ становится несчастнымъ, внушаетъ сожалѣніе. Всѣхъ удовлетворить нельзя, всегда будутъ довольные и недовольные, послѣдніе всегда могутъ воспользоваться близостью крѣпости къ столицѣ и создать правительству большія затрудненія.

И вотъ, мысль о заточеніи въ Шлиссельбургѣ была оставлена. 28 іюня туда поѣхалъ генералъ Савинъ для устройства тамъ помѣщенія, въ ночь на 29 туда-же летитъ указъ императрицы, подписанный въ Красномъ Кабачкѣ, тому-же Савину, которымъ ему повелѣно вывезти Ивана Антоновича въ Кексгольмъ, а въ Шлиссельбургѣ «приготовить лучшіе покои». Для этихъ лучшихъ покоевъ по указу отъ 1-го іюля поручикъ Плещеевъ повезъ нѣкоторыя вещи. Но со 2-го іюля о заточеніи Петра Өедоровича въ Шлиссельбургѣ нѣтъ болѣе и рѣчи.

Уже 30-го іюня стало извѣстно, что еще накануне узникъ жаловался на сильныя головныя боли; днемъ просилъ прислать ему голштинскаго доктора Лидерса. Когда послѣдняго отыскали, то онъ боялся ѣхать въ Ропшу изъ опасенія быть заточеннымъ вмѣстѣ со своимъ паціентомъ. Выслушавъ разсказъ о болѣзненныхъ припадкахъ больного, Лидерсъ прописалъ ему лекарство, но ѣхать къ нему отказался, причемъ заявилъ, что опасности никакой нѣтъ. Можетъ быть трусившій Лидерсъ, умышленно скрывалъ серьезность положенія, чтобы избѣжать поѣздки.

Лидерсъ не ѣдетъ, значитъ Петръ далекъ отъ смерти.

Приводимъ здѣсь относящееся къ этому моменту болѣзни Петра III письмо Алексѣя Орлова къ Екатеринѣ, съ сохраненіемъ его правописанія и стиля.

«Матушка Милостивая Государыня здравствовать Вамъ мы все желаемъ нещетныя годы. Мы теперь по отпускѣ сего письма і со всею командою благополучны, только уродъ нашъ очень занемогъ і схватила Ево нечаеная колика, і я опасенъ, штобъ онъ севоднишную ночь не умеръ, а больше опасаюсь, штобъ не ожилъ. Первая опасность для того, што онъ всіо здоръ говоритъ і намъ ето несколько весело, и другая опасность, што онъ дествительно для насъ всѣхъ опасенъ для того, што онъ іногда такъ отзывается, хотя впрежнемъ состояніи быть.

«Всилу Імяннова вашего повеленія я солдатамъ деньги за полгода отдалъ, такожъ і ундеръофицерамъ, кроме одного Патіомкина вахмистра для того, што служитъ безжалованья. І солдаты некоторыя сквозь слезы говорили про милость вашу, што оне еще такова для васъ заслужили за штобъ іхъ такъ вкороткое время наградить іхъ. При семъ посылаю списокъ вамъ всей команде, которая теперь здесь, а тысечи рубліовъ матушка не достало і я дополнилъ червонными, і у насъ здесь было много смеха надъ гренадерами объ червонныхъ, когда оне у меня брали, іныя просили для тово, што не видовали і опять отдавали, думая, што оне ничево не стоятъ.

Посланный Чертковъ къ вашему величеству обратно еще кнамъ не бывалъ і для того я оповдалъ васъ репортовать, а сие пишу во вторникъ вдевятомъ часу вполовине.

Посмертный вашъ верный рабъ
Алексѣй Орловъ.

При обсужденіи вопроса, Екатерина спокойно выслушивала всѣ соображенія о необходимости принятія мѣръ, чтобы бывшій императоръ не могъ вредить спокойствію государства, смущая слабыя головы. Она хорошо сознаетъ всѣ опасности, грозящія ей отъ возлюбленныхъ сторонниковъ Петра Ѳедоровича. Ихъ немного, но они есть и число ихъ можетъ увеличиться впослѣдствіи. Екатерина не упадетъ въ обморокъ ни отъ какого предложенія, тѣмъ не менѣе никто изъ присутствовавшихъ на совѣщаніи не осмѣливался даже заикнуться о насильственной смерти.

Въ устраненіи Петра Ѳедоровича были заинтересованы прежде всего всѣ личные сторонники Екатерины, они избранники народа, которые, говоря словами манифеста, «подвигли» ее стать во главѣ движенія. Они были заинтересованы въ этомъ дѣлѣ гораздо болѣе самой императрицы, особенно-же братья Орловы. Они заняли при дворѣ самое видное положеніе, которое даетъ имъ право мечтать о многомъ. Ихъ фаворъ, особенно Григорія, рѣжетъ уже всѣмъ глаза. При дворѣ началась противъ Григорія Орлова интрига, стремящаяся свергнуть его; а за нимъ падутъ, конечно, и братья.

3 іюля вечеромъ въ Ропшу прибылъ докторъ Лидерсъ, 4-го штабъ-лекарь Паульсенъ, такъ какъ больному Петру Θедоровичу стало хуже, но врачи этого ухудшенія здоровья не признали. 6-го іюля, рано утромъ, когда узникъ еще спалъ, прислуживавшій камердинеръ вышелъ въ паркъ подышать чистымъ воздухомъ. Караульный офицеръ, находившійся въ саду, приказалъ схватить камердинера, котораго велѣлъ увезти въ экипажѣ изъ Ропши.

Вечеромъ въ тотъ же день, 6-го іюля, нарочный, прискакавшій изъ Ропши, подалъ Екатеринѣ II пакетъ отъ Алексѣя Орлова. На листѣ сѣрой, грязной бумаги, неяснымъ почеркомъ, видимо, пьяною рукою А. Орлова было написано слѣдующее:

«Матушка милосердная Государыня! Какъ мнѣ изъяснить, описать что случилось: не повѣришь вѣрному своему рабу, но какъ передъ Богомъ скажу истину. Матушка! Готовъ идти на смерть; но самъ не знаю, какъ эта бѣда случилась. Погибли мы, когда ты не помилуешь. Матушка, его—нѣтъ на свѣтѣ... Но никто сего не думалъ, и какъ намъ задумать поднять руки на Государя. Но, Государыня, случилась бѣда. Онъ заспорилъ за столомъ съ княземъ Θеодоромъ (Барятинскимъ); не успѣли мы разнять, а его уже и не стало. Сами не помнимъ, что дѣлали, но всѣ до единаго виноваты, достойны казни. Помилуй меня хоть для брата. Повинную тебѣ принесъ, и разыскивать нечего. Прости или прикажи скорѣе окончить. Свѣтъ не милъ: про-

гнѣвали тебя и погубили души на вѣкъ».

Это письмо, впервые напечатанное въ 1881 г. Бартеневымъ (въ Архивѣ кн. Воронцова), имѣетъ рѣшающее значеніе въ вопросѣ о степени участія Екатерины II въ ропшинской драмѣ. Гр. Ѳ. Ростопчинъ читавшій это письмо и снявшій съ него даже копію, пишетъ по этому поводу слѣдующее: «Почеркъ извѣстный мнѣ графа Алексѣя Орлова. Слогъ означаетъ положеніе души сего злодѣя и ясно доказываетъ, что убійцы опасались гнѣва Государыни и симъ изобличаетъ клевету, падшую на жизнь и память сей Великой Царицы».

Вѣсть о смерти—великій актъ. Ни приготовиться, ни привыкнуть къ ней нельзя. Вѣсть о смерти Петра поразила однихъ, встревожила другая, озадачила своею неожиданностью всѣхъ Наиболѣе сильное впечатлѣніе она произвела на Екатерину II. Она была тронута ею какъ женщина и поражена ею какъ императрица. Она прекрасно сознавала, что скоропостижная смерть Петра возбудитъ толки и ляжетъ тѣнью на памяти до сихъ поръ чистыхъ и свѣтлыхъ десяти дней начала ее царствованія. Трагизмъ положенія Екатерины усиливался еще тѣмъ обстоятельствомъ, что ропшинская катастрофа произошла при дѣятельномъ участіи А. Орлова. Она гнушается преступленія, но выдать преступника не можетъ. Совершенно непричастная непосредственно къ преступленію, Екатерина приняла на себя всю нравственную отвѣтственность и политическую тяжесть катастрофы.

Письмо А. Орлова, вполнѣ обѣлившее императрицу, было ею спрятано въ шкатулку и пролежало въ ней болѣе 34 лѣтъ, до самой ея смерти. Кромѣ гр. Панина, гетмана Разумовскаго и еще немногихъ ближнихъ лицъ, бывшихъ свидѣтелями полученія этого письма, его никто уже болѣе не прочтетъ, пока жива Екатерина. Въ письмѣ не сообщалось никакихъ подробностей катастрофы, поэтому Екатерина нашла необходимымъ удостовѣриться прежде всего въ томъ, не было ли употреблено отравленіе: вскрытіе не показало ни малѣйшихъ его слѣдовъ.

Ночью съ 7-го на 8-е іюля тѣло покойнаго императора было привезено изъ Ропши прямо въ Александро-Невскую лавру, въ тѣ самые покои, гдѣ было выставлено для поклоненія тѣло принцессы Анны Брауншвейгской, а позже тѣло великой княжны Анны Петровны.

Въ небольшомъ монастырскомъ зданіи приготовили тѣ-же двѣ довольно низкія комнаты, всю мебель вынесли, а стѣны обили чернымъ сукномъ. Народъ впускался длинной безпрерывной вереницей изъ первой комнаты во вторую. Дежурные при гробѣ офицеры приглашаютъ народъ, поклонившись тѣлу усопшаго, проходить не останавливаясь мимо гроба, въ противоположную выходную дверь. Бывшій императоръ одѣтъ въ мундиръ голштинскихъ драгунъ, свѣтло-голубой съ бѣлыми отворотами, руки сложены крестъ-на-крестъ, но въ большихъ съ крагами перчаткахъ формы Карла XII. Вокругъ гроба ни орденовъ, ни другихъ знаковъ отличія. Сквоз-

ной вѣтеръ отъ раскрытыхъ настежь дверей развѣваетъ гладкіе волосы покойнаго. Лицо его черно, на шеѣ широкій шарфъ, но офицеры не даютъ времени всмотрѣться, приглашая проходить поскорѣе.

Сюда въ эти тѣсныя комнаты 10-го числа пришла Екатерина, чтобы присутствовать при погребеніи тѣла Петра Ѳедоровича, какъ присутствовала при похоронахъ тоже свергнутой правительницы Анны Леопольдовны. Въ церковь явились, приглашенные особыми повѣстками, многія особы первыхъ пяти классовъ, въ томъ числѣ возвращенный изъ Сибири покойнымъ императоромъ престарѣлый фельдмаршалъ гр. Минихъ. Всѣ лужайки монастыря, не говоря уже о кладбищѣ, были запружены народомъ, ожидавшимъ какого-то чрезвычайнаго, небывалаго зрѣлища.

Въ назначенное время гробъ внесли въ Благовѣщенскую церковь и, послѣ заупокойной литургіи, тѣло бывшаго императора Петра III было предано землѣ въ самой церкви, рядомъ съ бывшей, тоже свергнутой правительницей Анной.

Народъ долго не расходился. На всѣхъ, видимо, произвела впечатлѣніе эта внезапная кончина, о которой ходили уже «неосновательные» толки, слышались даже «пустые враки».

VII.

Свергнутъ императоръ, умеръ и въ землю зарытъ. Все это совершилось такъ быстро, съ такимъ театральнымъ эффектомъ, что Фридрихъ II былъ правъ, говоря, что «Петръ III до-

пустилъ свергнуть себя съ престола, какъ ребенокъ, котораго отсылаютъ спать». И, однако, Екатерина чувствовала безпокойство за ближайшее будущее. Вся опасность положенія выяснилась послѣ, когда появились недостаточно, по ихъ мнѣнію, вознагражденные. Англійскій посолъ Кейтъ писалъ по этому поводу черезъ мѣсяцъ послѣ переворота: «Плохое настроеніе и недовольство, которое тлѣло и глухо бродило въ войскахъ гвардіи, дошло до того, что вспыхнуло на этихъ дняхъ въ видѣ открытаго возмущенія. Солдаты семеновскаго полка дрались съ оружіемъ въ рукахъ другъ съ другомъ ночью, и офицерамъ съ большимъ трудомъ удалось ихъ усмирить. Много солдатъ и офицеровъ было арестовано».

Причиной или, вѣрнѣе, предлогомъ глухого недовольства, которое замѣчалось при дворѣ и въ войскахъ, былъ очевидный фаворъ, которымъ императрица почтила Григорія Орлова. Сейчасъ же послѣ переворота онъ получилъ графскій титулъ, равно какъ и его братья, званіе камергера, золотые часы съ брилліантами въ 5.000 р., а затѣмъ не проходило мѣсяца, безъ того, чтобы его не осыпали деньгами, должностями и чинами.

VIII.

Исторія ропшинской драмы и переворота 1762 г. была бы не закончена, если бы мы не разсказали объ удивительномъ событіи вторичнаго погребенія и коронованія императора Петра III тридцать три года спустя послѣ пер-

ваго погребенія, именно 19 ноября 1796 года, при воцареніи Павла I.

Однажды Павелъ I обратился къ своей супругѣ Маріи Өеодоровнѣ съ такими словами.

— Мнѣ предстоитъ совершить одно дѣло, которому я придаю огромное нравственное значеніе. Я хочу громко сказать всѣмъ, что у меня все-таки былъ отецъ, о чемъ въ прошлое царствованіе умышленно замалчивалось. Пусть въ прошломъ творились ужасныя вещи, пусть прошлое запятнано кровью и преступленіемъ,—я живу для будущаго. Я знаю, что мой отецъ при своей несчастной жизни отказывался отъ меня и зачастую спрашивалъ мою мать: «какъ здоровье Вашего сына?» и никогда не говорилъ «нашего». Теперь сынъ признаетъ отца. Пусть моя мать ненавидѣла своего супруга, я похороню ихъ въ одной могилѣ. И пусть въ этой общей могилѣ останется похороненной навсегда исторія мрачнаго прошлаго нашей семьи.

Марія Өеодоровна тревожно посмотрѣла на своего супруга.

— Вчера я приказалъ служить панихиды и заупокойную литургію за Петра и Екатерину вмѣстѣ. Пусть всякій, прочитавшій мой указъ, получитъ такое впечатлѣніе, будто оба царственныхъ супруга скончались одновременно. Да и я самъ не могу чувствовать иначе. Если я вступилъ на престолъ только теперь, то мой отецъ, послѣдній изъ царствовавшихъ до меня государей, могъ скончаться тоже только теперь. Ну, что Вы скажете на это, Ваше Величество?

— Мнѣ кажется,—отвѣтила Марія Θеодоровна, что мы во всемъ должны дѣйствовать совмѣстно. Пусть нашъ примѣръ покажетъ всѣмъ, какъ должны жить мужъ и жена...

— Ты права!—воскликнулъ государь, растроганный этими словами.

Въ этотъ моментъ явился бывшій его лакей, а нынѣ графъ Кутайсовъ, и доложилъ, что всѣ приказанія его Величества исполнены.

Вскорѣ послѣ этого Павелъ I съ Маріей Θеодоровной, въ сопровожденіи Кутайсова, поѣхалъ въ Александро-Невскую лавру, гдѣ уже собралось къ панихидѣ по Екатеринѣ II все высшее духовенство съ митрополитомъ Гавріиломъ во главѣ. Павелъ Петровичъ выслушалъ разсѣянно привѣтственную рѣчь митрополита и, обратившись къ старому лавровскому архимандриту, велѣлъ ему вести себя къ гробницѣ императора Петра III.

— Я знаю,—сказалъ онъ, что останки моего отца, не почтенные до сихъ поръ царскими похоронами, все еще пребываютъ въ забвеніи гдѣ-то около ризницы. Это святыня и сокровище для вашего монастыря, но мнѣ придется лишить васъ ея. Останки императора принадлежатъ государству, и государство въ моемъ лицѣ явилось требовать принадлежащее ему.

Митрополитъ самъ повелъ государя къ старой гробницѣ, не украшенной ни гербомъ, ни скульптурой; въ ней лежали останки несчастнаго Петра III.

Постоявъ нѣкоторое время молча у гроба от-

ца, императоръ что-то тихо сказалъ митрополиту, тотъ передалъ приказаніе монахамъ, и вскорѣ гробницу вскрыли, вынули изъ нея и поставили на полъ старый гробъ.

По приказанію императора гробъ вскрыли. Тамъ оказались потемнѣвшіе кости скелета и небольшая кучка истлѣвшаго тряпья, среди котораго Павелъ I замѣтилъ уцѣлѣвшую какимъ-то чудомъ перчатку; онъ взялъ ее и поцѣловалъ.

— Распорядитесь, ваше преосвященство,—обратился императоръ къ митрополиту, чтобы гробъ съ останками моего родителя перенесли въ лаврскій соборъ и тамъ поставили на возвышеніи. Я рѣшилъ снова предать землѣ эти останки и воздать имъ тѣ почеты, которыхъ они лишены были до сихъ поръ. Прахъ моего отца будетъ похороненъ вмѣстѣ съ тѣломъ покойной императрицы въ соборѣ Петра и Павла, рядомъ съ останками прочихъ предковъ нашего Дом...

Павелъ I остановился на полсловѣ съ судорожно искаженнымъ лицомъ. Марія Ѳеодоровна съ ужасомъ подумала, что съ нимъ начинается одинъ изъ приступовъ бѣшенаго неудержимаго гнѣва.

— Что случилось?—спросила она шопотомъ Кутайсова, стоявшаго рядомъ съ нею.

— Государь видитъ, какъ близится нѣчто страшное, — взволнованно отвѣтилъ Кутайсовъ также шопотомъ. Боюсь, что государь переоцѣнилъ свои силы и что ему не въ мочь будетъ

перенести то, что онъ самъ взвалилъ себѣ на плечи.

— Но что же это такое?—спросила государыня, на которую, видимо, произвело большое впечатлѣніе выраженіе затаеннаго ужаса въ тонѣ отвѣта Кутайсова.

— Вотъ онъ! вотъ онъ!—съ дрожью въ голосѣ отвѣтилъ послѣдній. Смотрите, Ваше Величество, подъ руку съ кн. Куракинымъ идетъ графъ Алексѣй Орловъ! Какъ я просилъ государя пощадить себя и не дѣлать этого!.. Знаете, Ваше Величество, Орловъ еще полчаса тому назадъ былъ уже при входѣ въ лавру. Я удивляюсь, что чесменскій герой не предпочелъ заколоть себя кинжаломъ. Ему понадобилось цѣлыхъ полчаса для того, чтобы дойти сюда отъ входа,—такъ дрожатъ у него ноги. Да, не малое геройство нужно, чтобы явиться на глаза его Величеству передъ гробомъ Петра Третьяго.

— Такъ это графъ Алексѣй Григорьевичъ Орловъ-Чесменскій?—съ величайшимъ изумленіемъ сказала Марія Ѳеодоровна, всматриваясь въ гиганта, медленно шедшаго подъ руку съ княземъ Куракинымъ.

Павелъ I еще издали замѣтилъ Орлова. Онъ ожидалъ его приближенія въ величайшемъ волненіи. Казалось, что у него не хватитъ физическихъ силъ выдержать присутствіе непосредственнаго виновника смерти покойнаго Петра III. Но, по мѣрѣ приближенія Орлова, Павелъ Петровичъ становился все спокойнѣе, онъ слишкомъ долго ждалъ этой минуты, чтобы испортить

ее вспышкой гнѣва.

Не доходя нѣсколькихъ шаговъ до императора, Орловъ выпрямился, высвободилъ свою руку и безъ помощи князя Куракина твердымъ шагомъ подошелъ къ государю. Склонивъ глубокимъ поклономъ свою гигантскую фигуру, онъ почтительно, но смѣло привѣтствовалъ государя и поздравилъ его со вступленіемъ на престолъ.

Павелъ Петровичъ, молча, движеніемъ руки приказалъ присутствующимъ отойти въ сторону и затѣмъ указалъ Орлову на дальній уголъ, гдѣ высилась какая-то мраморная гробница. Орловъ понялъ приказаніе и отошелъ туда вмѣстѣ съ государемъ.

— Обращаюсь къ Вамъ, графъ, съ просьбой, — спокойно и холодно сказалъ Павелъ Петровичъ. Въ виду того, что эта просьба касается отданія почестей останкамъ блаженной памяти императора Петра III, Вы не откажетесь исполнить ее. Вѣдь, человѣкъ такъ уже созданъ, что охотно готовъ почтить того, кому нанесъ смертельную рану...

— Надо пользоваться всякимъ удобнымъ случаемъ исполнить свой долгъ, Ваше Величество, — отвѣчалъ надтреснутымъ голосомъ Орловъ, и я почтительнѣйше благодарю Васъ за то, что Вы даете мнѣ его. Покойный императоръ былъ очень несчастливъ, онъ погибъ жертвой политическихъ страстей. Но какъ ни несчастенъ былъ онъ, все же тѣ, кто погубилъ его, много несчастнѣе. Нельзя безнаказанно убивать кого бы то ни было, а тѣмъ болѣе своего государя. Кто

дерзнулъ на это, тому нѣтъ покоя въ жизни. Что я долженъ сдѣлать, чтобы способствовать увѣковѣченію памяти и отданію почестей императору Петру III.

— Завтра,—сказалъ государь, я торжественно предамъ землѣ прахъ моего несчастнаго отца; пусть это послужитъ добрымъ началомъ моего царствованія. Вамъ-же, графъ Орловъ, я повелѣваю явиться сюда въ Лавру въ часъ дня и въ глубочайшемъ траурѣ сопровождать гробъ. Подробности траурнаго костюма будутъ вамъ сообщены. Вы будете идти за гробомъ размѣреннымъ шагомъ и помнить, чьи останки находятся въ немъ. И такъ, до завтра графъ.

Павелъ Петровичъ рѣзко отвернулся отъ него и пошелъ къ остальнымъ присутствовавшимъ въ церкви.

— Гдѣ-же князь Барятинскій? — громовымъ голосомъ крикнулъ онъ.

Видно было, что долго сдерживаемое бѣшенство прорывается наружу. Замѣтивъ это, Марія Ѳеодоровна поспѣшила подойти къ нему поближе, чтобы успокоить его волненіе.

— Простите, Ваше Величество,—сказалъ подошедшій Куракинъ. Князя нѣтъ въ Петербургѣ, онъ вчера вечеромъ скрылся и, какъ говорятъ, намѣренъ поселиться въ отдаленныхъ мѣстностяхъ Азіи.

— Ну, что-жъ. Тѣмъ лучше,—замѣтилъ Павелъ Петровичъ. Если онъ самъ поспѣшилъ избавить насъ отъ своей особы, тѣмъ лучше. Кромѣ того, своимъ поспѣшнымъ бѣгствомъ онъ

только доказалъ, насколько нечиста его совѣсть. Разумѣется, въ злодѣйской трагедіи, стоившей жизни моему несчастному отцу, онъ игралъ вторую роль. Онъ былъ самымъ обыкновеннымъ палачомъ-наемникомъ. Не правда ли графъ?—обратился онъ къ Орлову.

Когда государь заговорилъ о Барятинскомъ, Марія Өеодоровна, тронутая убитымъ видомъ Орлова, обратилась къ нему съ участливымъ вопросомъ о здоровьѣ его семьи. Отвѣчая государынѣ, Орловъ тѣмъ самымъ имѣлъ благовидный предлогъ оставить безъ отвѣта вопросъ Павла Петровича.

Но будучи уже не въ силахъ справиться съ прорвавшимся бѣшенствомъ, послѣдній подскочилъ къ Орлову, схватилъ его за грудь и сталъ его бѣшено трясти.

— Развѣ не такъ?—говорилъ онъ. Вѣдь Барятинскій игралъ вторую роль въ гнусномъ злодѣяніи, которымъ были прерваны дни жизни моего отца? Развѣ я не правъ?

Орлову оставалось только молчать,—такъ онъ былъ подавленъ всей этой тяжелой сценой. Неизвѣстно, чѣмъ бы кончилась она, потому что Павелъ Петровичъ не зналъ границъ въ подобныя минуты. Но Марія Өеодоровна взглянула на него своимъ кроткимъ, умоляющимъ взоромъ. Къ счастью ихъ глаза встрѣтились, и Павелъ Петровичъ опомнился.

Онъ провелъ рукой по своему лицу и быстро вышелъ изъ церкви, сказавъ, обращаясь ко всѣмъ присутствовавшимъ:

— Прошу завтра не опаздывать!

IX.

На другой день съ самаго ранняго утра къ Александро-Невской лаврѣ потянулись огромныя толпы народа. Похороны черезъ тридцать пять лѣтъ послѣ смерти казались чѣмъ-то страшнымъ, таинственнымъ, и о нихъ циркулировали въ народѣ самые странные слухи.

По пріѣздѣ Павла Петровича, широко распахнулись ворота монастыря и раздались звуки погребальнаго пѣнія. Похоронная процессія двинулась изъ монастыря. Появленіе гроба императора Петра III вызвало всеобщее удивленіе у зрителей. Старый, полуистлѣвшій, разваливающійся гробъ былъ обвѣшанъ вѣнками самыхъ яркихъ оттѣнковъ. Процессія уже отошла на нѣкоторое разстояніе отъ воротъ, какъ вдругъ изъ нихъ появилась гигантская фигура преклоннаго старца, шедшаго одиноко за гробомъ. Лицо его выражало такое страданіе, весь внѣшній видъ говорилъ о такомъ смятеніи чувствъ, что видѣвшіе его почувствовали, видимо, глубокое волненіе.

Графъ Алексѣй Орловъ былъ одѣтъ во все черное и несъ въ рукахъ покровъ, казавшійся ему непосильной тяжестью, почти пригибавшей его къ землѣ. Государь самъ вручилъ ему въ церкви покровъ и, указывая на церковную дверь, сказалъ мрачнымъ голосомъ:

— Иди впередъ! Иди первымъ за гробомъ, въ который ты загналъ своими злодѣйскими руками царственную жертву. Муки, которыя ты

испытаешь, идя за гробомъ, послужатъ самой большой почестью для покойнаго. Ну! Живо! Впередъ!

Орлова зналъ почти весь Петербургъ, по которому ходили легенды о его похожденіяхъ и лихихъ попойкахъ, и вотъ теперь всѣ видятъ его въ такомъ необыкновенномъ положеніи. Въ толпѣ часто слышалось его имя, чего онъ не могъ не замѣтить. До его слуха доходили и комментаріи о его роли въ смерти императора Петра III. Фигура согбеннаго гиганта еще болѣе пригнулась къ землѣ.

Процессія съ гробомъ довольно долго двигалась въ сопровожденіи одного Алексѣя Орлова, что еще болѣе подчеркивало значеніе его въ погребальномъ кортежѣ. Въ это время монастырскія ворота были опять затворены. Но вотъ, наконецъ, онѣ распахнулись. Показался Павелъ Петровичъ, шедшій впереди всѣхъ съ супругой и дѣтьми; далѣе слѣдовали высшіе придворные и государственные чины.

Появленіе кортежа еще болѣе выдѣлило странное значеніе Орлова въ погребеніи. Онъ шелъ одинъ, не смѣя подойти слишкомъ близко къ гробу и, въ тоже время, не сливаясь съ остальными, провожавшими печальную колесницу. Да, страшное наказаніе придумалъ для него Павелъ Петровичъ, и притомъ наказаніе вполнѣ заслуженное Орловымъ. Когда вся процессія вышла изъ монастырскихъ воротъ, къ ней присоединилась масса народа, и все это двинулось вдоль по Невскому проспекту по направленію къ ста-

рому Зимнему Дворцу. Здѣсь къ кортежу присоединился гробъ Екатерины II, который поставили на одну колесницу съ полусгнившимъ гробомъ ея давно скончавшагося супруга.

Вся процессія носила особенно мрачный характеръ, такъ какъ въ ней не участвовали ни военная музыка, ни пѣвчіе. На половинѣ дороги похоронный кортежъ сталъ поливать проливной дождь.

У Зимняго дворца молчаливая процессія остановилась. Орловъ отошелъ въ сторону, къ гробу подошла царская фамилія и, въ сопровожденіи ея, два гроба были внесены въ большой залъ и поставлены рядомъ подъ балдахиномъ. По окончаніи панихиды процессія прежнимъ порядкомъ двинулась къ Петропавловскому собору въ крѣпости. Графъ Орловъ вновь шелъ въ почтительномъ разстояніи отъ гроба Петра III и значительно впереди всего кортежа. Когда останки государя внесли въ соборъ, Павелъ Петровичъ подозвалъ къ себѣ графа А. Орлова.

— Мы сдѣлали теперь по отношенію къ императору все, что было въ нашихъ силахъ,—сказалъ ему императоръ, и отдали ему все, чего онъ былъ лишенъ при жизни. Теперь ему нѣтъ никакого дѣла до тебя и тебѣ не для чего больше отравлять петербургскій воздухъ своимъ присутствіемъ. Изволь сейчасъ же уѣхать въ свои имѣнія, и чтобы мы больше тебя не видѣли!..

— Государь! — сказалъ Орловъ. Разрѣшите мнѣ оставить предѣлы Россіи.

— Пожалуйста, уѣзжай куда хочешь,—повы-

силъ голосъ Павелъ Петровичъ, только чтобы о тебѣ не было ни слуха, ни духа! Предупреждаю тебя, Орловъ—смотри, когда нибудь попадешься мнѣ на глаза еще разъ, тебѣ будетъ плохо! А теперь ступай...

Не дожидаясь конца церемоніи, Орловъ вышелъ изъ собора и въ тотъ же день выѣхалъ заграницу.

X.

Поздно вечеромъ 28 іюня представители иностранныхъ державъ получили отъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ слѣдующее циркулярное извѣщеніе.

«Ея Императорское Величество, по единодушному желанію и усиленнымъ просьбамъ своихъ вѣрныхъ подданныхъ и истинныхъ патріотовъ имперіи восшедшая сегодня на престолъ, соизволила указать увѣдомить объ этомъ всѣхъ иностранныхъ министровъ, находящихся при ея дворѣ, увѣрить ихъ притомъ, что ея Императорское Величество имѣетъ намѣреніе жить въ добромъ согласіи съ вѣнценосцами, ихъ Государями. Вслѣдъ за симъ назначенъ будетъ день, въ который господа министры могутъ имѣть честь представиться и поздравить Ея Императорское Величество».

Это оффиціальное извѣщеніе сразу прекратило всѣ слухи, волновавшіе съ утра иностранную колонію, въ особенности-же посланниковъ. Съ первымъ же шумомъ народнаго волненія стали распространяться самые невѣроятные слухи: говорили, будто императоръ внезапно рѣшился,

до отъѣзда въ Датскій походъ, короноваться въ Петербургѣ, будто онъ передалъ власть, на время своего отсутствія, императрицѣ и, поэтому, желаетъ ее короновать и т. п. Къ полудню узнали истину, но она для многихъ иностранцевъ была далеко не успокоительнаго характера. Многіе посланники не вѣрили ушамъ своимъ, слушая вольный переводъ только что выпущеннаго манифеста, оффиціальный переводъ котораго появился только на другой день утромъ и не оставлялъ, повидимому, ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что предстоитъ рѣзкій поворотъ въ иностранной политикѣ Россіи.

Въ день воцаренія Екатерина распорядилась вызвать изъ ссылки пострадавшаго за нее канцлера Бестужева-Рюмина, сосланнаго еще Елисаветою Петровной въ 1758 году. Но въ дѣйствительности ни одного канцлера не было тогда: одинъ еще не вернулся изъ Сибири, а другой, Воронцовъ, сидѣлъ подъ арестомъ, по собственному желанію. Не лишено интереса для эпохи переворота этотъ добровольный арестъ «грѣшника ходящаго на двѣ стези», выражаясь словами священнаго писанія.—Воронцовъ, прибывшій, какъ выше упоминалось, изъ Ораніенбаума, усовѣстить и образумить Екатерину, немедленно присягнулъ послѣдней, но при этомъ попросилъ поставить къ его дому караулъ, такъ какъ не былъ увѣренъ въ исходѣ переворота въ томъ или другомъ направленіи и на всякій случай желалъ оградить себя и свою мѣстность отъ разграбленія

въ дни народнаго волненія. Чрезъ два дня караулъ былъ снятъ.

XI.

Екатерина не Петръ III: ей не надо было преувеличивать и объяснять значеніе коронаціи, такъ какъ она сама прекрасно понимала религіозное впечатлѣніе этой церемоніи. Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ Фридрихъ II приказывалъ своему послу Гольцу обратить вниманіе Петръ III на импонирующее значеніе коронаціи, на парадъ, и самъ писалъ ему о необходимости поспѣшить священнымъ вѣнчаніемъ. Но Петръ III сошелъ со сцены все-таки безъ коронованія. Екатерина поступила не такъ: черезъ четыре дня по восшествіи на престолъ уже сдѣланы были всѣ распоряженія относительно коронаціи, которою было велѣно торопиться; отъѣздъ въ Москву назначили въ концѣ августа, коронацію —въ сентябрѣ. На всѣ расходы по коронаціи отпущено было 86.000 рублей, да «на дѣланіе короны—1 фунтъ золота и 20 фунтовъ серебра». О державѣ совсѣмъ забыли; только за двѣ недѣли до коронаціи вспомнили, что нужна держава: искали ее вездѣ—въ спальной, въ гардеробной, въ кладовой; нигдѣ не нашли, пришлось сдѣлать новую наскоро.

По поводу этой пропажи происходила весьма интересная переписка между Неплюевымъ и директоромъ кабинета Ея Величества, А. В. Олсуфьевымъ. Приводимъ здѣсь въ подлинникѣ письмо къ послѣднему Неплюева.

«Государь мой милостивый
Адамъ Васильевичъ,

Вашего Превосходительства почтенное писание изъ Подлитовья отъ 5-го сего текущаго сентября чрезъ нарочно отправленнаго курьера измайловскаго полка капрала Косачева сего утра рано имѣлъ честь получить, въ которомъ изволите объявлять высочайшее Ея імператорскаго величества повелѣние объ отысканіи мнѣ въ спальной, въ гардеробе и въ казенной бывшаго імператора, золотой державы, обще съ гвардіи капитаномъ поручикомъ Семеномъ Івановичемъ Хвастовымъ и съ камеръдинеромъ Федоромъ Аврамовымъ, и оные мною признаны і о той державѣ спрашиваемы, на что мнѣ объявлено: отъ господина капитана-поручика Хвастова: въ находящейся де подъ ево вѣдениемъ казенной, державы никакой неимѣется, такожъ у камеръдинера Аврамова державы никакой ни прежде сего не бывало ниже теперь неимееца. Онъ же господинъ Хвастовъ ездилъ къ камеръ геру Вожжинскому, да бывшаго імператора камеръ динерамъ Евреинову и Турчанинову, у которыхъ подъ сохраненнемъ клейноты были, но потомужъ въ ответъ отъ нихъ получилъ, а Турчанинавъ и самъ мнѣ засвидѣтельствовалъ, что подъ сваимъ сохраненіемъ никакой державы не имѣли, ни у бывшаго імператора не видали, а отъ Вожжинскаго объявлено притомъ, которая де была зделана для коронаци блаженныя памяти Государыни Імператрицы Елизоветъ Петровны золотая держава изъ оной державы по ея величества

повеленію после коронаціи каменья выломаны, а золото де употреблено въ дѣло; а которая была держава при погребеніи блаженныя памяти Государыни Імператрицы Елизоветъ Петровны, оная уповательно быть должна при учрежденной бывшей печальной комиссіи, которая подъ ведомствомъ была его сиятельства князь Никиты Юрьевича Трубецкого.

І такъ соболезную, что по желанію Ея величества успеху я не возимѣлъ, о чемъ Ея Імператорскаго величеству покорно прошу донесть, а я есмь і пребуду со особливѣйшимъ почтеніемъ

Государь мой милостивый
вашего превосходительства
покорный слуга
Іванъ Неплюевъ».

Однимъ словомъ, золотая держава была неизвѣстно кѣмъ украдена.

Въ то же время было приказано для отправки въ Москву сдѣлать 120 дубовыхъ бочекъ съ желѣзными обручами и всыпать въ каждую бочку по 5000 рублей серебряной монеты,—всего 600.000 рублей для бросанія денегъ въ народъ, для выдачи лично отъ императрицы, и рядомъ съ этимъ заботы о колодникахъ и о милостивомъ манифестѣ, который долженъ сдѣлать впечатлѣніе во всей Россіи.

Впечатлѣніе было сдѣлано. Коронаціонныя торжества длились цѣлую недѣлю и въ непосредственной связи съ ними были устроенные позже никогда не виданныя въ Москвѣ публич-

ные уличные маскарады, подъ названіемъ «Торжествующая Минерва или гнусность пороковъ и слава добродѣтели». Диву дались москвичи: о Минервѣ, да еще почему-то торжествующей, они никогда не слыхали. Москвичи помнили недавній указъ, чтобы «по улицамъ въ платьѣ приличномъ въ комедіяхъ ни въ какомъ, нарядясь, не ходить и не ѣздить». А теперь объявлены даже улицы, по которымъ пойдутъ ряженые и пойдутъ именно утромъ, до окончанія церковной службы, что уже давно было запрещено. Маскарадная процессія, въ которой участвовало 4000 человѣкъ, растянулись на двѣ версты.

Курьезенъ въ этомъ, инсценированномъ первымъ русскимъ актеромъ и театраломъ Ѳ. Волковымъ, маскарадѣ слѣдующій хоръ сатировъ, воспѣвающій масляничный разгулъ:

Въ сырны дни мы примѣчали:
Шумъ блистаетъ,
Шаль мотаетъ,
Дурь летаетъ,
Хмѣль шатаетъ,
Разумъ таетъ,
Зло хватаетъ,
Наглы враки,
Сплетни, драки,
И грызутся, какъ собаки.
Примиритесь!
Рылы жалѣйте и груди!
Пьяные, пьяные люди,
Пьяные люди,
Не деритесь!

Всѣми этими немудрящими увеселеніями любовался не только народъ и весь дворъ, но и сама Екатерина, уѣхавшая изъ Москвы послѣ Пасхи.

XII.

Взойдя на престолъ, Екатерина старалась какъ можно скорѣе ликвидировать опасенья для ея трона дѣла. Въ первый же день переворота состоялся, какъ выше упоминалось, указъ объ отправленіи Петра III въ Шлиссельбургскую крѣпость, а на другой же день новымъ указомъ изъ Петергофа вѣлено было «безъимяннаго колодника» увезти въ Кексгольмъ. Этому безъимянному колоднику шелъ уже 22-й годъ. Онъ не зналъ, куда его везутъ, какъ не зналъ, откуда его привезли и гдѣ онъ находится. Двѣнадцать лѣтъ, съ 1744 г. по 1756 г., онъ провелъ въ Холмогорахъ, не зная, что содержится въ одной оградѣ съ родной браунгвейгской семьей, въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ отца. Въ 1756 г. сержантъ лейбъ-компаніи Савинъ, въ глухую ночь вывезъ Ивана Антоновича изъ Холмогоръ въ Шлиссельбургъ, гдѣ онъ жилъ на попеченіи капитана гвардіи Шубина. Черезъ мѣсяцъ по воцареніи Екатерина видѣла Ивана Антоновича и разговаривала съ нимъ, но о вынесенныхъ ею отъ этого свиданія впечатлѣніяхъ она повѣдала міру, къ сожалѣнію, 2 года спустя, при обстоятельствахъ вызывающихъ сомнѣніе въ достовѣрности этого сообщенія.

Когда Екатерина видѣла Ивана Антоновича, ему было уже 22 года. Это былъ юноша сред-

няго роста, довольно слабаго сложенія, но здоровый, насколько, конечно, можетъ быть здоровъ человѣкъ, всю жизнь проведшій въ неволѣ, лишенный движенія и воздуха. Незадолго до своей смерти видѣлся съ нимъ также и Петръ III, установившій самый строгій режимъ обращенія съ несчастнымъ узникомъ. По инструкціи къ нему не допускался никогда ни одинъ докторъ. Попытка Мировича освободить Ивана Антоновича изъ Шлиссельбурга стоила послѣднему жизни. Такимъ образомъ, послѣдняя тѣнь Банко исчезла съ горизонта Екатерины.

Намъ остается теперь разсказать еще объ одномъ интересномъ эпизодѣ, находящемся въ непосредственной связи съ переворотомъ 1762 г. Это такъ называемое «дѣло о марьяжѣ императрицы», говоря языкомъ того времени.

XIII.

Въ одномъ изъ барскихъ домовъ старой Москвы, въ гостяхъ у княгини Хилковой, случайно встрѣтились два пріятеля, бывшіе дѣятельными участниками переворота 28 іюня: извѣстный красавецъ секундъ-ротмистръ конной гвардіи лейбъ-юнкеръ Ѳ. Хитрово и капитанъ-поручикъ лейбъ-гвардіи измайловскаго полка М. Ласунскій. Пріятели разговорились.

— Слышалъ ты новый марьяжъ?—спросилъ Хитрово.

— Какой марьяжъ?—переспросилъ Ласунскій.

— Какъ тебѣ не слыхать! Я съ тобой политичествовать не стану: за Орлова Государыня идетъ.

— Слышалъ и я этотъ слухъ, а правда-ли, нѣтъ-ли, того не знаю.

— Что ты противъ этого думаешь дѣлать?

— Я думаю, что больше дѣлать нечего, какъ намъ собраться и итти просить Ея Величество, чтобъ она изволила отмѣтить, разсказавъ резоны, какіе намъ нужно будетъ.

— А какъ нашихъ резоновъ не примутъ, то что въ такомъ случаѣ дѣлать?

— Дѣлать больше нечего, какъ остаться на ея воли: какъ она изволитъ. Средствъ никакихъ нѣтъ да и быть не можетъ.

— Нѣтъ, въ такомъ случаѣ надобно средства изыскать, чтобъ ихъ отвести отъ этого. Теперь этотъ слухъ распускается по городу—чтобъ чего не произвело.

— Быть ничего не можетъ отъ народу да и ни отъ кого.

Этотъ разговоръ взятъ изъ напечатанныхъ показаній самого Ласунскаго.

Вотъ какіе слухи ходили по Москвѣ. Григорій Орловъ, содѣйствовавшій восшествію Екатерины II на престолъ, не успѣлъ еще сапогъ износить, какъ задумалъ занять мѣсто рядомъ съ нею. Не удивительно, что честолюбіе Орлова манило его къ этому «марьяжу». Получившій грошевое образованіе, бѣдный дворянинъ, владѣвшій нѣсколькими крѣпостными, почти безъ всякаго воспитанія, къ тому-же еще далеко не отличавшійся природными умственными способностями, онъ не могъ найти въ самомъ себѣ узды, которая могла бы въ данномъ случаѣ удержать его.

Онъ, такъ близко стоявшій къ Екатеринѣ, такъ мало зналъ ее, что считалъ подобный марьяжъ возможнымъ; онъ и не догадывался, что первымъ противникомъ такого предложенія явится она-же сама. Ей-ли связывать свою будущность съ какимъ-то Орловымъ, случайно вынырнувшимъ изъ неизвѣстностей. Екатерина понимала Орлова лучше, чѣмъ кто либо другой. Онъ молодъ и красивъ, смѣлъ и настойчивъ, но государственныхъ дѣлъ она ему никогда не довѣряла ни въ одной отрасли управленія, и, конечно, не позволитъ себѣ увлечься до назначенія его соправителемъ и, всего менѣе, мужемъ.

Орловъ настаивалъ, Екатерина уклонялась, находила всевозможныя препятствія, не будучи еще въ состояніи рѣшиться оскорбить братьевъ Орловыхъ прямымъ и окончательнымъ отказомъ. Графъ Григорій Орловъ указываетъ на морганатическій бракъ Елисаветы Петровны съ А. Разумовскимъ.

— Сомнѣваюсь,—возразила Екатерина, чтобы иностранныя извѣстія о бракѣ Алексѣя Разумовскаго съ покойной императрицей были справедливы, по крайней мѣрѣ, я не знаю никакихъ письменныхъ доказательствъ тому. Впрочемъ, Разумовскій живъ; можно послать освѣдомиться отъ него самого,—точно-ли онъ былъ вѣнчанъ съ государыней.

Екатерина такъ и поступила и приказала даже графу Воронцову написать проектъ указа о дарованіи гр. А. Г. Разумовскому, какъ «вѣнчанному съ государыней», титула императорскаго

высочества. Канцлеръ отправился къ Разумовскому, прочиталъ ему составленный имъ проектъ указа и потребовалъ отъ него всѣ документы, относящіеся къ данному вопросу.

Графъ Разумовскій сидѣлъ у горящаго камина и читалъ священное писаніе «Кіевской печати въ октаву», когда вошелъ къ нему канцлеръ М. Воронцовъ и сообщилъ истинную причину своего визита къ нему. Разумовскій взялъ проектъ указа, молча прочиталъ его и, тихо вставъ, подошелъ къ комоду, на которомъ стоялъ ларецъ чернаго дерева, окованный серебромъ и выложенный перламутромъ, отыскалъ въ комодѣ же ключъ, отперъ имъ ларецъ и изъ потайного ящика вынулъ бумаги, завернутыя въ розовый атласъ; развернулъ ихъ, атласъ спряталъ обратно въ ящикъ, а бумаги сталъ читать вслухъ съ благоговѣйнымъ вниманіемъ. Все это онъ дѣлалъ молча.

Прочитавъ бумаги, Разумовскій поцѣловалъ ихъ, перекрестился, сильно взволнованный подошелъ къ камину, бросилъ свертокъ въ огонь и молча сѣлъ въ кресло.

— Я не былъ ничѣмъ болѣе, какъ вѣрнымъ рабомъ ея величества, покойной императрицы Елисаветы Петровны, осыпавшей меня благодѣяніями свыше моихъ заслугъ. Никогда не забывалъ я, изъ какой доли и на какую степень возведенъ десницею ея. Обожалъ ее какъ сердолюбивую мать миллiоновъ народа и примѣрную христіанку, и никогда не дерзнулъ даже мыслью сближаться съ ея царственнымъ величіемъ. Мыс-

ленно лобызаю руки нынѣ царствующей монархини. Если бы было нѣкогда то, о чемъ вы говорите теперь со мною, повѣрьте, графъ, я не имѣлъ-бы суетности признать случай, помрачающій память государыни, моей благодѣтельницы. Теперь вы видите, что у меня нѣтъ никакихъ документовъ: доложите объ этомъ императрицѣ, да продлитъ она милости свои на меня, старца, не желающаго никакихъ земныхъ почестей. Да останется все, происшедшее между нами, въ тайнѣ. Пусть люди говорятъ, что имъ угодно, пусть дерзновенные простираютъ надежды къ мнимымъ величіямъ, но я не долженъ быть причиною ихъ толковъ.—

Воронцовъ подробно передалъ о своемъ свиданіи съ Разумовскимъ Екатеринѣ, которая выслушала этотъ разсказъ, проницательно взглянула на него, подала ему руку и «вымолвила съ важностью»:

— Мы понимаемъ другъ друга: тайнаго брака не существовало, хотя бы то и для успокоенія боязливой совѣсти. Почтенный старикъ предупредилъ меня, но я сама ожидала этого отъ свойственнаго малороссамъ самоотверженія.

Совершенно одинаково съ императрицей относилось къ замысламъ «мнимаго величія» и все столичное общество. А въ данномъ случаѣ въ вопросѣ о «марьяжѣ» все сводилось къ мнѣніямъ придворнаго круга и военнаго общества, преимущественно гвардіи. Съ государственной точки зрѣнія вступленіе Екатерины II не явилось крайней необходимостью: у императрицы былъ сынъ,

десятилѣтній великій князь Павелъ Петровичъ, обезпечивавшій вопросъ о престолонаслѣдіи. Церковь, конечно, не имѣла ничего противъ второго «марьяжа», такъ какъ вдова имѣла, по коническимъ правиламъ, право на второй бракъ. Но пользовался-ли новоиспечанный графъ Григорій, далеко не знатнаго рода Орловыхъ, такимъ вліяніемъ, чтобы склонить на свою сторону весь дворъ?

Не прошло и недѣли послѣ воцаренія Екатерины II, какъ уже начались придворныя интриги противъ Григорія Орлова. Занятое имъ положеніе, дѣйствительно, могло возбудить зависть въ однихъ, гнѣвъ у другихъ, неудовольствіе у всѣхъ, стоящихъ близко къ трону. Не потому, конечно, что онъ былъ сдѣланъ генералъ-адъютантомъ,—такое званіе получили и другіе— пожалованъ въ дѣйствительные камергеры,—такихъ камергеровъ было нѣсколько—возведенъ въ графское достоинство—и графовъ при дворѣ было вполнѣ достаточно; не потому, наконецъ, чтобы онъ пользовался вліяніемъ на дѣла,—этого не было, да и не способенъ онъ былъ къ государственнымъ дѣламъ! «Онъ ровно ничего не понималъ въ общественныхъ дѣлахъ»,—писалъ про него англійскій посолъ лордъ Буккигэмъ. Но это не мѣшало ему быть крайне честолюбивымъ. Вотъ это-то возбуждало противъ него весь дворъ.

На другой день послѣ вступленія Екатерины II на престолъ, въ Петербургѣ, въ одной изъ комнатъ дворца, Григорій Орловъ, лежа на диванѣ, распечатывалъ большіе конверты съ государ-

ственной печатью. Въ комнату вошла кн. Дашкова и крайне удивилась: такіе конверты она часто видѣла у дяди—канцлера и знала, что они изъ Совѣта.

— Что вы дѣлаете?—спросила она Орлова.

— Императрица приказала мнѣ вскрыть эти пакеты,—отвѣчалъ онъ.

— Сомнѣваюсь. Эти пакеты смѣло могли остаться нераспечатанными еще нѣсколько дней, пока императрица назначила бы подлежащихъ лицъ; ни вы, ни я не годимся на это дѣло.

Часъ спустя, кн. Дашкова, проходя по той же комнатѣ, въ которой лежалъ Орловъ,—наканунѣ онъ ушибъ себѣ колѣно,—увидѣла небольшой обѣденный столъ, сервированный на троихъ. Императрица пригласила Дашкову къ столу, который придвинули къ дивану. Екатерина просила во время обѣда свою пріятельницу поддержать ее противъ Орлова, который просился въ отставку.

— Посудите сами, княгиня,—обратилась императрица къ Дашковой,—насколько я буду неблагодарной, если позволю ему выйти въ отставку.

Просьба объ отставкѣ на второй день послѣ переворота,—очевидно, результатъ какой-либо размолвки, вызванной неудовлетвореннымъ самолюбіемъ; эта отставка въ устахъ Орлова, не столько просьба, сколько угроза. Черезъ два мѣсяца, подобная же просьба была повторена, но уже въ иной формѣ.

Незадолго до отъѣзда въ Москву на корона-

цію, Екатерина обѣдала въ небольшомъ кружкѣ приближенныхъ лицъ. За столомъ, какъ нерѣдко въ то время, зашла рѣчь о событіяхъ 28 іюня. Орловъ хвастался своимъ вліяніемъ на гвардейскихъ полкахъ и, обращаясь къ императрицѣ, имѣлъ неслыханную дерзость сказать, что, если бы онъ захотѣлъ, то могъ бы черезъ какой-нибудь мѣсяцъ свергнуть ее съ престола.

— Быть можетъ,—замѣтилъ Орлову полушутя гетманъ К. Разумовскій, видя, какъ это бахвальство непріятно Екатеринѣ.—Но, другъ мой, не дожидаясь мѣсяца, мы тебя черезъ двѣ недѣли повѣсили бы...

Вообще всѣ братья Орловы вели себя, какъ выскочки, гордились своимъ положеніемъ при дворѣ, обращались съ высока къ прежнимъ товарищамъ. Именно въ гвардіи и при дворѣ очень многіе были теперь противъ Орловыхъ. Даже друзья Григорія отшатнулись отъ него. По отзывамъ лицъ самыхъ разныхъ положеній и взглядовъ Григорій Орловъ былъ глупъ; такимъ считали его товарищи по службѣ, гвардейскіе офицеры; такимъ же рисуетъ его французскій посланникъ въ рапортахъ своему правительству.

Когда Екатеринѣ понадобилось узнать о бракѣ Елисаветы Петровны съ А. Разумовскимъ, она послала къ нему гр. М. Воронцова; теперь еще болѣе деликатная миссія была поручена гр. Бестужеву-Рюмину относительно придворныхъ чиновъ и офицеровъ гвардіи.

Бестужевъ-Рюминъ тотчасъ же отправился къ сенатору Брылкину и предложилъ ему подписать-

ся подъ всеподданнѣйшимъ прошеніемъ, въ которомъ отъ имени духовенства, сената, генералитета и высшихъ гражданскихъ чиновъ высказывалось желаніе, чтобы императрица вступила во второй бракъ, причемъ, какъ главный мотивъ, приводилась забота о престолонаслѣдіи, внушаемая слабымъ здоровьемъ великаго князя Павла Петровича. На прошеніи было уже нѣсколько подписей духовныхъ и свѣтскихъ сановниковъ. Брылкинъ прочелъ прошеніе и подписи подъ нимъ, но отказался приложить къ нему свою подпись, на томъ основаніи, что не видитъ здѣсь руки болѣе старыхъ сенаторовъ, чѣмъ онъ. Отъ одного къ другому слухъ о собираніи подписей подъ такимъ прошеніемъ быстро распространился по Петербургу и сталъ секретомъ полишинеля.

Передавая городскую молву, «эху» по употребительному выраженію того времени, одинъ высказывалъ свои догадки, а другой повторялъ ихъ уже въ видѣ несомнѣннаго факта. Невѣроятные слухи, ни на чемъ неоснованныя сплетни, даже «враки» вплетались въ городскую «эху» и пошли гулять по городу.

Екатерина II приказала Суворову «секретнѣйшимъ письмомъ» произвести по поводу этихъ «вракъ» негласное слѣдствіе и допросить разныхъ лицъ.

Когда объ этомъ прошеніи узналъ Панинъ, то, предвидя всѣ вредныя отъ него послѣдствія, обратился къ самой императрицѣ и спросилъ, съ разрѣшенія ли ея величества собираются под-

писи подъ этимъ прошеніемъ. Хотя Екатерина и отвѣтила, что «нѣтъ», однако, Панинъ, по лицу замѣтилъ, что «да». Тогда Панинъ пригласилъ къ себѣ К. Разумовскаго и З. Чернышова, сообщимъ имъ свои опасенія по поводу «бракъ», и они втроемъ согласились уничтожить злополучное прошеніе. Затѣмъ они пригласили къ себѣ Рѣпнина, Рославлева, Ласунскаго, Пассека, Теплова, Барятинскихъ, Каревыхъ, Хованскихъ, Апраксина, Ржевскаго и сообща рѣшили, что «это дѣло нехорошее и отечеству вредное», что Орловы хотятъ завладѣть императрицею, что «Григорій глупъ, а больше все дѣлаетъ Алексѣй и что онъ великій плутъ и всему одному дѣлу причиною». Хитрово прибавлялъ къ словамъ доноса, что «они на собраніи своемъ постановили: просить императрицу, въ случаѣ нерѣшимости вступить во второй бракъ, избрать одного изъ двухъ братьевъ Ивана Антоновича; если же она на это не согласится, то убить Орловыхъ». По словамъ кн. Несвицкаго, Хитрово былъ приведенъ въ «оный заговоръ» кн. Дашковой.

Хитрово былъ арестованъ, при допросѣ велъ себя съ большимъ достоинствомъ и признавалъ, что второй бракъ Екатерины съ Орловымъ считался бы государственнымъ бѣдствіемъ. Кромѣ того, на одной ставкѣ съ камеръ-юнкеромъ Ржевскимъ подтвердилъ, что государыня при восшествіи на престолъ соглашалась быть правительницею и «Панину объ этомъ сказать изволила». Далѣе Хитрово показалъ слѣдующее: «Когда я былъ на караулѣ при покойномъ бывшемъ

государѣ, то случалось мнѣ говорить о порядкѣ восшествія Государыни на престолъ съ Ал. Гр.-Орловымъ, и онъ сказалъ мнѣ, что Панинъ сдѣлалъ было подписку съ тѣмъ, чтобы быть государынѣ правительницею, и государыня на это согласилась; и когда изволила притти въ Измайловскій полкъ 28 іюня, тогда, объявивъ про эту подписку бывшимъ при томъ капитанамъ Рославлеву и Ласунскому, они доложили государынѣ, что они на то несогласны, а поздравляютъ ее самодержавной императрицей, послѣ чего велѣли солдатамъ кричать ура».

Слѣдствіе показало, что всѣ были противъ брака Екатерины съ Орловымъ.

Миссія Бестужева-Рюмина выполнена, но при этомъ раскрылись совершенно побочныя обстоятельства. Екатерина писала Суворову: «главный предметъ слѣдствія долженъ быть: во первыхъ, изслѣдованіе скареднаго проекта убить гр. Ал. Гр. Орлова и, во вторыхъ, разъясненіе слуха правительницѣ». Екатерина старалась, чтобы все слѣдствіе велось Суворовымъ «всекретѣ, чтобы въ Москвѣ о томъ никто не вѣдалъ».

Но въ Москвѣ все вѣдали. Только и разговоровъ въ городѣ было, что «зачали пропадать камеръ-юнкеры, причемъ обвиняли во всей этой кутерьмѣ Орловыхъ. Когда дѣло Хитрово и другихъ было уже рѣшено и признанные виновными уже высланы, Екатерина приказала запечатать всѣ бумаги, касающіяся этого дѣла, въ особый конвертъ, на которомъ своей рукой написала: «Не распечатывать безъ докладу».

Ничто, однако, не помогло. По городу пошли толки, пересуды, сплетни. Никто не зналъ въ точности вины арестованныхъ и каждый сообщалъ свои догадки, предположенія и выдумки. Именно вслѣдствіе тайны получился результатъ совершенно обратный: не только всѣ интересовались дѣломъ и говорили о немъ, но еще раздували извѣстія о немъ до крайности. Изъ мухи дѣлали слона. Надо было положить этому конецъ. Въ настоящее время эта цѣль достигается просто обнародованіемъ извѣщенія въ газетахъ. Въ старину прибѣгали къ оригинальной мѣрѣ, введенной еще при Петрѣ Великомъ и практиковавшейся не разъ въ подобныхъ чрезвычайныхъ случаяхъ.

Въ разныхъ концахъ Москвы раздался барабанный бой. Народъ бросилъ всѣ свои дѣла и бѣжалъ, сломя голову, на знакомый ему призывъ. На площади секретарь сената прочиталъ манифестъ «о воспрещеніи непристойныхъ возбужденій и толковъ по дѣламъ, до «правительства относящихся», вошедшій въ «полное собраніе законовъ». Екатерина гораздо проще и вѣрнѣе назвала этотъ актъ манифестомъ о молчаніи въ своемъ письмѣ къ генералъ-прокурору Глѣбову. Въ журналахъ Сената по этому поводу записано: «Съ онаго манифеста напечатанные экземпляры какъ здѣсь въ городѣ во всенародное извѣстіе при барабанномъ боѣ публиковали, такъ и для надежнаго исполненія во всѣ присутственныя мѣста равножъ и публикованія въ губер-

ніи и провинціи и города при указѣ разосланы и въ газетахъ, какъ русскихъ, такъ и нѣмецкихъ внесть велено».

Секретарь Сената читалъ на площади манифестъ о молчаніи. «Желаніе и воля Наша есть, чтобъ всѣ и каждый изъ Нашихъ вѣрноподданныхъ единственно прилежали своему званію и должности, удаляясь отъ всякихъ продерзкихъ и непристойныхъ разглашеній. Но противу всякаго чаянія, къ крайнему Нашему прискорбію и неудовольствію, слышны, что являются такіе развращенныхъ нравовъ и мыслей люди, кои не о добрѣ общемъ и спокойствіи помышляютъ, но какъ сами заражены странными разсужденіями о дѣлахъ, совсѣмъ до нихъ не принадлежащихъ, не имѣя о томъ прямого свѣдѣнія, такъ стараются заражать и другихъ слабоумныхъ, и, даже до того попускаютъ свои слабости въ безразсудномъ стремленіи, что касаются дерзостно своими истолкованіями, не только гражданскимъ правомъ и правительства и Нашимъ издаваемымъ уставомъ, но и самымъ Божественнымъ узаконеніемъ, не воображая знать о себѣ ни мало, какимъ таковыя непристойныя умствованія подвержены предосужденіямъ и опасностямъ. И хотя таковые зловредные толкователи праведно заслуживаютъ достойную себѣ казнь, яко спокойствію Нашему и всеобщему вредные: но Мы, прежде употребленія въ семъ случаѣ всей строгости, по природному Нашему человѣколюбію, всѣмъ таковыхъ зараженныхъ неспокойными

мыслями, матерински увѣщеваемъ удалиться отъ всякихъ вредныхъ разсужденій, нарушающихъ покой и тишину, прилежа единственно званію своему, и препровождая время не въ праздности или невѣжествѣ и буянствѣ, но въ полезныхъ и свойственныхъ каждому упражненіяхъ на пользу свою и ближняго. А если сіе Наше матернее увѣщаніе и попеченіе не подѣйствуетъ въ сердцахъ развращенныхъ, и не обратитъ на путь истиннаго блаженства, то вѣдалъ бы всякъ изъ таковыхъ невѣжей, что мы поступимъ уже по всей строгости законовъ, и неминуемо преступники почувствуютъ всю тяжесть Нашего гнѣва, яко нарушители тишины и презрители Нашей Высочайшей воли».

Манифестъ былъ, какъ выше упомянуто, обнародованъ не только въ Москвѣ, гдѣ всевозможные толки имѣли извѣстное основаніе, но во всѣхъ городахъ и селеніяхъ обширнаго государства, гдѣ никто не слышалъ и не имѣлъ никакого понятія ни о переворотѣ, ни о замыслахъ Орлова, ни о Хитрово. Въ провинціи только изъ манифеста о молчаніи узнали, что безпокоитъ императрицу; Екатеринѣ II почти всю жизнь пришлось имѣть дѣло съ самозванцами, появившимися въ раннюю эпоху ея царствованія подъ именемъ Петра III.

Конечно, угроза наказанія могла сдержать до извѣстной степени болтовню. Можно не говорить, но можно-ли не думать? Сама Екатерина писала по этому поводу: «Какъ всегда послѣ

переворота, столь великаго, умы находились въ сильномъ волненіи».

Успокоилъ - ли «манифестъ о молчаніи» умы? Послѣдующія событія доказали, что нѣтъ.

Конецъ.

№ 23. Тайны инквизиціи. А. Лебедева.
№ 24. Цезарь Борджіа. М. Салтыкова.
№ 25. Сынъ Петра Великаго. М. Костомарова.
№ 26. Толстовцы. Е. Баранова.
№ 27. Клеопатра. С. Львова.
№ 28. Монастырскія тюрьмы. Е. Оларть.
№ 29. 1855-ый годъ. (Крымская кампанія). К. Острогорскаго.
№ 30. Хлысты и скопцы. Е. Баранова.
№ 31. Императрица Елисавета. К. Бестужева.
№ 32. Неронъ. П. Мартынова.
№ 33/34. Духоборы. С. Хомякова.
№ 35. Шамиль. (Покореніе Кавказа). Н. Ковалевскаго.
№ 36. Польское возстаніе 1863 г. М. Крашевскаго.
№ 37. Жизнь Христа. Ренана. Переводъ съ французск. Е. Оларть.
№ 38. Мессалина. Е. Синегуба.
№ 39. Великій расколъ. П. Бунина.
№ 40/41. Нигилисты. С. Горскаго.
№ 42. Юліанъ отступникъ. П. Мартынова.

Цѣна каждаго № 10 коп.

Изданіе выходитъ отъ 8 — 10 выпусковъ въ мѣсяцъ.

Выписывающіе со склада **Издательства** на сумму не менѣе 1 р. 50 к. за пересылку не платятъ.

